Он снова здесь

Автор:
Тимур Вермеш

Он снова здесь

Тимур Вермеш

Литературный дебют немецкого журналиста Тимура Вермеша в одночасье стал бестселлером в Европе и шокировал критиков, вынужденных с предельной осторожностью подбирать слова для рецензий. Эта коварная книга ставит зеркало перед обществом, помешанным на сборе “лайков” и повышении продаж. Она не содержит этических подсказок. Читателю предстоит самостоятельно разобраться в моральном лабиринте современной действительности.

Берлин, 2011 год. На городском пустыре приходит в себя Адольф Гитлер. Он снова здесь – один, лишенный власти, соратников, даже крыши над головой. И снова начинает восхождение “ниоткуда”, постепенно осваиваясь в новой реальности. Успех приходит неожиданно быстро, ибо мир видит в нем не воскресшего диктатора, но гениального актера: его гневные речи встречают овациями, видеозаписи выступлений взрывают интернет. Коллеги и помощники вскоре становятся преданными друзьями. Звезда Адольфа Гитлера восходит все выше, а планы его тем временем остаются неизменными.

Тимур Вермеш

Он снова здесь

Originally published in Germany under the title ER IST WIEDER DA by Eichborn – A Division of Bastei Luebbe Publishing Group.

© 2012 by Bastei L?bbe GmbH & Co. KG.

© Johannes Wiebel | punchdesign, Germany

© А. Чередниченко, перевод на русский язык, 2014

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014

© ООО “Издательство АСТ”, 2014

Издательство CORPUS ®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Все действия, персонажи и диалоги в этой книге являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми и/или их реакциями, с фирмами, организациями и т. д. случайно уже потому, что в реальном мире при подобных обстоятельствах действующие лица, вероятно, поступали бы по-другому и вели себя иначе. Автор придает большое значение тому факту, что Зигмар Габриэль и Ренате Кюнаст в действительности не разговаривали с Адольфом Гитлером.

Пробуждение в Германии

Сильнее всего меня удивил, пожалуй, народ. Я же действительно сделал все возможное, дабы уничтожить основы дальнейшего человеческого существования на этой опозоренной врагом земле. Мосты, электростанции, дороги, вокзалы – все это я приказал разрушить. Я уже сверился с документами, когда это было – в марте, и, по-моему, я совершенно ясно высказался по данному вопросу. Разрушению подлежали все учреждения жизнеобеспечения, как то: системы водоснабжения, телефонные станции, средства производства, фабрики, мастерские, фермы, всё материально ценное, и, говоря “всё”, я имею в виду – всё! Здесь требуется тщательный подход, при таком приказе нет места сомнению, ведь понятно, что простой солдат, знакомый со своим отрезком фронта, но, разумеется, не владеющий общей картиной и не понимающий стратегических и тактических взаимосвязей, так вот, этот солдат возьмет да скажет: “И что, неужели нужно поджечь вот этот… этот, скажем, киоск? Неужели плохо, если киоск достанется врагу?” Разумеется, плохо! Враг тоже читает газеты! Он ими торгует, он будет использовать против нас киоск и все, что только обнаружит! Нужно уничтожить все, и я еще раз подчеркиваю – все материально ценное, не только дома, но и двери. И дверные ручки. А также шурупы, причем не только длинные. Шурупы следует вывернуть и безжалостно погнуть. А дверь – смолоть в древесную муку. И потом сжечь. В противном случае враг будет беспринципно входить и выходить через эту дверь, когда только ему заблагорассудится. Но сломанная ручка, гнутые винты и кучка пепла – пользуйтесь на здоровье, господин Черчилль! Такие требования диктуются жестокой логикой войны, что мне всегда было ясно, потому мой приказ и не мог звучать иначе, хотя предпосылка у него была иная.

По крайней мере, изначально.

Нельзя было и дальше отрицать, что в эпической битве против англичанина, большевизма и империализма немецкий народ в итоге потерпел поражение и потому стал попросту недостоин дальнейшего существования даже на примитивном уровне общества охотников и собирателей. Таким образом, он не мог больше претендовать на водопроводные станции, мосты и дороги. А также на дверные ручки. Вот почему я отдал такой приказ, и еще отчасти из любви к завершенности, ведь в ту пору я иногда прохаживался вокруг рейхсканцелярии и вынужден был однозначно признать: американец и англичанин с их “летающими крепостями” уже выполнили за нас значительную часть работы на большой площади согласно моему приказу. Разумеется, в дальнейшем я не контролировал подробно исполнение моего приказа. Как можно представить себе, дел у меня хватало: разгром американцов на западе, отражение русских на

востоке, градостроительное развитие Столицы Мира Германии[1 - Столица Мира Германия (Welthauptstadt Germania) – новое название Берлина согласно градостроительным планам Гитлера и Альберта Шпеера. (Здесь и далее – прим. перев.)] и прочее и прочее, – но с оставшимися дверными ручками, я полагал, немецкий вермахт в состоянии справиться. И потому этот народ вообще-то не должен был существовать.

Но я вынужден констатировать, что он все еще здесь.

И это для меня в некотором роде непостижимо.

Но, с другой стороны, я-то тоже здесь, и это мне столь же непонятно.

Глава I

Помню: я проснулся, должно быть, вскоре после полудня. Я открыл глаза и увидел над собой небо. Голубое небо, легкая облачность, тепло, я сразу понял, что для апреля чересчур тепло. Почти, можно даже сказать, жарко. И сравнительно тихо – надо мной не было видно ни единого вражеского самолета, не слышно ни орудийной стрельбы, ни разрывов поблизости, ни воздушных сирен. Я также отметил, что нет ни рейхсканцелярии, ни бункера. Повернув голову, я увидел, что лежу на земле на незастроенном участке, окруженном домами, стены которых сложены из кирпича и частично перепачканы какими-то пакостниками, что меня сразу же разозлило, и я машинально решил вызвать Дёница[2 - Карл Дёниц – согласно завещанию Гитлера его преемник, последний рейхспрезидент Германии.]. Поначалу, словно в полудреме, я подумал было, что и Дёниц лежит где-то рядом, но потом дисциплина и логика одержали верх: я моментально осознал необычность ситуации. Обычно я не располагаюсь на ночлег под открытым небом.

Вначале я задумался: что я делал в предыдущий вечер? О чрезмерном потреблении алкоголя нечего было и думать, я же не пью. Последнее, что я помнил, – как мы с Евой сидели на мягком диване. Помню еще, что мной – нами – владела некоторая беспечность, я вроде бы решил в тот вечер ненадолго оставить в покое государственные дела, но никаких планов мы не строили, о походе в ресторан или в кино, разумеется, не могло быть и речи,

развлекательная программа в столице рейха к тому времени уже отрадным образом истощилась, не в последнюю очередь вследствие моего приказа. Пусть я не мог с уверенностью сказать, не появится ли в ближайшие дни в городе Сталин – такую возможность нельзя было полностью исключить на тот момент, – но мог с абсолютной уверенностью сказать, что его поиски кинотеатра здесь будут столь же безуспешны, как, например, в Сталинграде. По-моему, мы еще немножко поболтали с Евой, и я показал ей свой старый пистолет, прочие детали не пришли мне на ум при пробуждении. Виной тому была также головная боль. Нет, воспоминания о вчерашнем вечере помочь не могли.

Тогда я решил ухватить быка за рога и как следует разобраться в текущем положении дел. За свою жизнь я научился наблюдать, замечать, выделять мельчайшие детали, которые даже иной ученый сочтет маловажными, а то и проигнорирует. О себе же с чистой совестью могу сказать, что благодаря многолетней железной дисциплине становлюсь в моменты кризиса хладнокровнее, рассудительнее, мои чувства обостряются. Я работаю четко, спокойно, как машина. Я методично собрал всю доступную мне информацию. Я лежу на земле. Осматриваюсь. Рядом со мной валяется мусор, растет сорная трава, стебли, кое-где кусты, также встречаются маргаритки, одуванчики. Я слышу голоса, они не слишком далеко, крики, повторяющийся звук удара, смотрю в направлении шума, он исходит от мальчуганов, играющих в футбол. Уже не пимпфы[3 - Пимпфы – члены юнгфолька, младшей возрастной ступени гитлерюгенда, мальчики от 10 до 14 лет.], а для фольксштурма[4 - Фольксштурм – народное ополчение Третьего рейха в последние месяцы войны.] слишком молоды, очевидно, из гитлерюгенда, но сейчас не на службе – видимо, враг устроил передышку. В ветвях дерева копошится птица, она щебечет, поет. Для кого-то это лишь примета веселого настроения, но в моем неопределенном положении, когда важна любая, даже столь незначительная информация, знаток природы и каждодневной борьбы за существование может сделать вывод, что рядом нет хищных животных. В непосредственной близости от моей головы лужа, которая, похоже, мельчает, наверняка когда-то давно шел дождь, но с тех пор сухо. На ее краю лежит моя фуражка. Вот так работает мой тренированный рассудок, вот так работал он и в этот тревожный момент.

Я сел. Это получилось без труда. Я пошевелил ногами, руками, пальцами. Ранений, похоже, не наблюдалось, физическое состояние было благоприятным, я был совершенно здоров, если не считать головной боли, даже дрожь в левой руке, кажется, почти пропала. Я осмотрел себя. Я был одет: на мне была форма, мундир солдата. Грязноватый, но не сильно, следовательно, меня не засыпало обломками. На форме виднелись земля и крошки какой-то выпечки, пирога или

чего-то подобного. Сукно сильно пахло горючим, вероятно бензином. Это могло объясняться, например, тем, что Ева пыталась почистить мою форму, использовав, однако, чрезмерное количество чистящего бензина. Будто она вылила на меня целую канистру. Ее самой нигде не было, да и весь мой штаб в настоящее время, похоже, не находился поблизости. Я стряхнул как мог грязь с мундира, с рукавов и вдруг услышал голоса:

– Эй, зырь!

– Чё за бомж?

Очевидно, я производил впечатление человека, который нуждается в помощи, – три члена гитлерюгенда это превосходно поняли. Окончив игру, они уважительно приблизились, что было понятно: неожиданно в непосредственной близости узреть фюрера Германии на незастроенной территории, используемой для спорта и физической закалки, среди одуванчиков и маргариток – это необычный поворот в распорядке дня молодого, не до конца созревшего мужчины. И все же небольшой отряд поспешил ко мне, словно стайка борзых, в готовности помочь. Молодежь – это будущее!

Мальчуганы остановились на некотором расстоянии, рассматривая меня. Наконец самый высокий, очевидно бригадир, обратился ко мне:

– Эй, шеф, все в порядке?

Несмотря на беспокойство, я не мог не отметить полнейшее отсутствие немецкого приветствия[5 - Deutscher Gru? – нацистское приветствие, поднятая вверх правая рука с вытянутой ладонью. В современной Германии запрещено законом и наказуемо.]. Разумеется, виной столь бесцеремонному обращению и употреблению “шеф” вместо “фюрер” была неожиданность, причем в иной, не столь диковинной ситуации она, возможно, вызвала бы невольную веселость, ведь часто бывает, что и в окопе среди безжалостной стальной бури люди выкидывают самые причудливые шутки. Но все же солдату должен быть присущ определенный автоматизм, даже в непривычных ситуациях, в этом и смысл муштры, если же автоматизма нет, то и вся армия гроша ломаного не стоит. Я встал на ноги, что далось не так-то легко – по-видимому, я пролежал долго. Тем не менее я оправил мундир и парочкой легких ударов кое-как очистил брюки. Откашлявшись, я спросил у бригадира:

– Где Борман?

– Кто?

Я не верил своим ушам.

– Борман! Мартин!

– Не знаю такого.

– Не-а, не слышал.

– Как он выглядит?

– Как рейхсляйтер, черт побери!

Что-то выходило чрезвычайно странно. Хотя я по-прежнему явно находился в Берлине, но, очевидно, весь правительственный аппарат был у меня похищен. Требовалось срочно вернуться в бункер, но я понял, что от наличного молодняка помощи не дождаться. Для начала следовало найти дорогу. Безликий участок, на котором я оказался, мог находиться в любом месте города. Надо было лишь добраться до улицы. Учитывая, по-видимому, длительный перерыв в стрельбе, там будет немало прохожих, трудящихся, водителей таксомоторов, способных указать мне путь.

Вероятно, ребятам из гитлерюгенда я не показался таким уж беспомощным, поскольку они вроде бы решили вернуться к футболу. По крайней мере, самый высокий из них повернулся лицом к своим товарищам, так что я смог прочесть имя, которое мать нашила на его чрезмерно пестрой спортивной рубахе.

– Гитлерюнге Рональдо! В каком направлении улица?

Должен, увы, признать, что последовала довольно скудная реакция: отряд практически не обратил внимания на мой вопрос, лишь один из двух младших на ходу вяло махнул рукой в угол пустыря, где при ближайшем рассмотрении действительно обнаружился проход. Я сделал в уме заметку что-то вроде “уволить Руста”[6 - Бернхард Руст – министр образования и воспитания в

Третьем рейхе.] или “удалить Руста” – человек занимает свой пост с 1933 года, и в вопросах образования нет места столь бездонной халатности. Как сможет молодой солдат найти победную дорогу в Москву, в сердце большевизма, когда он не в состоянии узнать собственного главнокомандующего!

Я нагнулся, поднял фуражку и, надев ее, твердым шагом пошел в указанном направлении. Завернув за угол дома, я оказался в узком проходе между высоких стен, в конце которого сверкал свет улицы. Мимо, прижавшись к стене, робко прошмыгнула неухоженная кошка пятнистого окраса. Сделав четыре или пять шагов, я вышел на улицу.

У меня перехватило дыхание от нахлынувших потоков цвета и света.

В моем последнем воспоминании город представал весьма пыльным и серым, даже солдатски-серым, с грудами руин и внушительными разрушениями. Но мне открылась совершенно иная картина. Руины пропали или же были начисто убраны, улицы вычищены. Зато по краям проезжей части стояли многочисленные или даже бесчисленные пестрые машины – очевидно, автомобили, только меньшего размера, но по их прогрессивно привлекательному виду чувствовалось, что ведущую роль при проектировке играли заводы Мессершмитта. Дома были свежевыкрашены, самыми разными цветами, подчас напоминавшими сладости моей юности. Признаюсь, у меня закружилась голова. Мой взгляд искал чего-нибудь знакомого, и я заметил облезлую скамейку на островке зелени с другой стороны проезжей части. Я сделал пару шагов, и не стыжусь признать, что, должно быть, выглядел несколько неуверенно. Раздался звонок, звук трения резины об асфальт, и потом кто-то заорал на меня:

– Ты чё, старик? Слепой?

– Я… я прошу прощения… – услышал я собственный голос, звучавший одновременно испуганно и облегченно.

Передо мной стоял велосипедист – наконец я увидел хоть что-то знакомое, притом дважды знакомое. По-прежнему шла война, и для безопасности человек носил шлем, изрядно поврежденный во время прошлых налетов, даже, надо сказать, совершенно дырявый.

– Ну и видок у тебя, блин!

– Я… простите… мне надо бы присесть.

– Да тебе прилечь надо бы. И надолго!

Я заторопился к спасительной скамейке, и, наверное, был бледен, упав на нее. Похоже, этот молодой человек меня тоже не узнал. Вновь отсутствовало немецкое приветствие, и он отреагировал так, будто столкнулся с самым обычным пешеходом. Подобная халатность была здесь в ходу: пожилой господин прошел мимо, покачав головой. Следом появилась дородная дама с футуристической детской коляской – еще один знакомый предмет, но и он не смог вдохнуть надежды в моем отчаянном положении. Я приподнялся и, стараясь держать осанку, подошел к ней.

– Простите, возможно, вас удивит мой вопрос, но мне… необходимо срочно узнать кратчайший путь в рейхсканцелярию.

– Вы от Штефана Рааба, что ли?

– Простите?

– Тогда Керкелинг? Или Харальд Шмидт?[7 - Штефан Рааб, Хапе Керкелинг, Харальд Шмидт – популярные немецкие комики и телеведущие.]

Виновато, наверное, нервное напряжение – я не сдержался и схватил ее за рукав.

– Женщина, возьмите себя в руки! Вспомните о долге, фольксгеноссе![8 - Volksgenosse, букв. “народный товарищ”, соотечественник (нем.) – в Третьем рейхе это слово обозначало принадлежность к общности людей арийской крови (как “партайгеноссе” – принадлежность к НСДАП), в противовес обращению “геноссе”, товарищ, принятому в социалистических организациях. Слово однозначно связано с национал-социализмом и потому не употребляется в современном немецком языке.] Мы на войне! Как вы думаете, что сделает с вами русский, если он здесь появится? Думаете, русский посмотрит на вашего ребенка и скажет:

“Хо-хо, какая свеженькая немецкая девица, но ради ребенка я подавлю в штанах мои низменные инстинкты?” Дальнейшее существование немецкого народа, чистота крови, выживание человечества – все поставлено на карту в эти часы, в эти дни, а вы что, хотите на суде истории нести ответ за конец цивилизации, только потому что в своей невероятной ограниченности не желаете указать фюреру немецкой нации дорогу в его рейхсканцелярию?

Я уже и не удивился, что слова мои не вызвали почти никакой реакции. Выдернув свой рукав из моей руки, идиотка вытаращилась на меня и помахала перед лицом ладонью с растопыренными пальцами, что однозначно выглядело жестом неодобрения. Я не мог дольше закрывать глаза: что-то здесь совершенно разладилось. Никто не относился ко мне как к главнокомандующему и рейхсфюреру. Мальчишки-футболисты, пожилой господин, велосипедист, дама с коляской – это не могли быть сплошные совпадения. Моим первым побуждением было оповестить органы государственной безопасности для восстановления правопорядка. Но я сдержал себя. Мне пока недоставало сведений об окружающей обстановке. Требовалось больше информации.

Мой рассудок методично заработал и с ледяным спокойствием проанализировал положение дел. Я в Германии, я в Берлине, хотя он кажется чужим. Эта Германия иная, но все же чем-то походит на привычную мне державу: здесь еще остались велосипедисты, автомобили, а значит, наверняка есть и газеты. Я огляделся. И действительно под моей скамейкой лежало нечто, напоминавшее газету, хотя и напечатанное с некоторой расточительностью. Листок был разноцветный и совсем незнакомый, назывался “Медиамаркт” – при всем желании я не смог припомнить, чтобы разрешал подобное издание, да никогда и не разрешил бы. Содержание его было совершенно непонятным, злость вскипела во мне: как можно во времена бумажного дефицита безвозвратно разбазаривать драгоценные ресурсы общенародного достояния на такую бессмысленную дрянь?! Функа[9 - Вальтер Функ – министр экономики в Третьем рейхе.] ждет выволочка, вот только доберусь до рабочего стола. Но сейчас требовались надежные новости, найти бы “Народный обозреватель” или “Штурмовик”, да для начала сгодился бы и “Бронированный медведь”[10 - V?lkischer Beobachter, “Народный обозреватель” – ежедневная официальная газета НСДАП; Der St?rmer, “Штурмовик” – бульварная антисемитская газета; Der Panzerb?r, “Бронированный медведь” – газета, издававшаяся в Берлине в последние дни войны (медведь – гербовое животное Берлина).]. Неподалеку действительно обнаружился газетный киоск, и даже с такого значительного расстояния было заметно, что у него удивительно богатый ассортимент. Можно подумать, мы пребываем в состоянии ленивого и глубочайшего мира! Я

приподнялся в нетерпении. Потеряно слишком много времени, и следовало срочно заняться восстановлением порядка. Армия ждет приказов, вероятно, где-то меня уже разыскивают. Спешным шагом я направился к киоску.

Уже первый взгляд принес интересные наблюдения. На стенде около киоска висело множество пестрых газет на турецком языке. Очевидно, в городе ныне пребывает изрядное количество турок. Похоже, что в бессознательном состоянии я пропустил длительный период времени, в течение которого многие турки переселились в Берлин. Знаменательно. Вплоть до последнего времени турок, будучи, по сути своей, верным помощником немецкого народа, несмотря на наши серьезные усилия, хранил нейтралитет, никак не соглашаясь вступать в войну на стороне рейха. Но, кажется, за время моего отсутствия кто-то, скорее всего Дёниц, сумел убедить турок оказать нам поддержку. А довольно мирная обстановка на улице говорила о том, что турецкое вмешательство даже привело к решающей перемене в военных действиях. Я был потрясен. Разумеется, я всегда уважал турка, но все же не предполагал его способным к таким достижениям. Впрочем, по причине недостатка времени я не следил пристально за его страной. Очевидно, реформы Кемаля Ататюрка дали сенсационный толчок ее развитию. И произошло то чудо, на которое и Геббельс постоянно уповал с надеждой. Сердце мое забилось в горячей уверенности. Надежды оправдались, ведь я, ведь рейх даже в часы, казалось бы, глубочайшей тьмы не оставлял веры в окончательную победу. Четыре-пять разных турецкоязычных изданий пестрых расцветок являли неоспоримое доказательство новой, славной оси Берлин – Анкара. Итак, когда моя главная забота, забота о благополучии рейха, столь удивительным образом разрешилась, мне оставалось лишь выяснить, сколько же времени я потерял, пребывая в том странном забытьи на заброшенной территории между жилыми домами. “Народный обозреватель”, очевидно, весь раскупили, зато мой взгляд упал на как будто знакомое издание, некую “Всеобщую франкфуртскую газету”[11 - Frankfurter Allgemeine Zeitung – одна из крупнейших немецких газет, ее название и заголовки статей на титульной странице печатаются фрактурой, которая поначалу была “идеологическим” шрифтом в нацистской Германии.]. Название было мне в новинку, но по сравнению с прочей развешанной здесь прессой газета радовала глаз знакомым и вызывающим доверие шрифтом.

Я не тратил время на текст, а искал сегодняшнюю дату.

30 августа.

2011.

Я смотрел на число в растерянности, не веря глазам. Перевел взгляд на другой номер, “Берлинскую газету”, также отличавшуюся безукоризненным немецким шрифтом, и поискал дату.

2011.

Выдернув газету со стойки, я раскрыл ее, перелистнул страницу, следующую.

2011.

Число издевательски заплясало в моих глазах. Оно медленно наклонилось влево, потом чуть быстрее вправо, потом еще быстрее опять влево и закачалось из стороны в сторону, как это любит делать народ в пивных. Взгляд силился уследить за числом, ухватиться за него, но газета выскользнула у меня из рук. Я почувствовал, что оседаю, и тщетно попытался удержаться за другие газеты на стеллаже, хватаясь за все подряд сверху донизу.

Потом в глазах потемнело.

Глава II

Когда я вновь очнулся, то лежал на земле.

Кто-то клал мне на лоб нечто влажное.

– Вам лучше?

Надо мной склонился мужчина, ему бы ло лет 45, а может, и за 50. Он был одет в клетчатую рубашку и простые штаны, как у рабочего. Теперь я знал, какой вопрос надо задать в первую очередь.

– Какое сегодня число?

– Ммм, двадцать девятое августа. Нет, погодите – тридцатое.

– А какой год? – прохрипел я, садясь. Влажная тряпка некрасиво шлепнулась мне на брюки.

Мужчина посмотрел на меня, нахмурившись.

– Две тысячи одиннадцатый, – ответил он и смерил взглядом мою форму, – а вы что думали? Сорок пятый?

Я попытался найти подходящий ответ, но потом решил, что лучше просто встану.

– Вам бы еще немного полежать, – сказал мужчина. – Или посидеть. Пойдемте, у меня в киоске есть кресло.

Я хотел было возразить, что у меня нет времени расслабляться, но осознал, что ноги еще сильно дрожат. Поэтому последовал за ним в киоск. Мужчина сел на место продавца около окошка и посмотрел на меня.

– Хотите воды? А может, шоколада? Или батончик мюсли?

Я скованно кивнул. Он встал, взял бутылку газированной воды и налил мне из нее в стакан. Потом достал с полки пестрый батончик, видимо, что-то вроде неприкосновенного запаса, упакованный в цветную фольгу. Разорвав эту фольгу, он обнажил нечто, напоминающее прессованное зерно, и вложил это мне в руку. Перебои с хлебом, очевидно, все еще не были устранены.

– Вам надо плотнее завтракать, – сказал он и опять сел. – У вас тут рядом съемки?

– Съемки?..

– Ну там, фильма какого-нибудь документального. Тут постоянно снимают.

– Фильма?..

– Ой, да вы что-то никак в себя не придете. – Он рассмеялся и указал на меня рукой. – Или вы просто всегда разгуливаете в таком виде?

Я осмотрел себя. Не заметил на себе ничего необычного, не считая, разумеется, пыли и запаха бензина.

– Вообще-то да, – ответил я.

Хотя, может, у меня повреждено лицо?

– Нет ли у вас зеркала? – осведомился я.

– Разумеется, есть. – Он указал в сторону. – Как раз рядом с вами, прямо над “Фокусом”.

Я проследил за его пальцем. Зеркало было прямоугольное, в оранжевой рамке, а сверху продавец зачем-то подписал для верности – “Зеркало”[12 - Der Spiegel, “Зеркало” (нем.) – один из самых известных журналов в Германии. На его обложке обычно публикуется крупная полосная иллюстрация к заглавной теме номера, по периметру обложки – оранжевая рамка, а сверху – название журнала.], словно иначе никто не догадался бы. Зеркало было засунуто между журналов и выглядывало примерно на две трети. Я посмотрелся в него.

Мое отражение выглядело на удивление безупречно, даже мундир казался выглаженным – наверное, в киоске было лестное освещение.

– Интересно? – спросил мужчина. – Да у них в каждом третьем номере что-нибудь про Гитлера. Но вам-то, по-моему, готовиться больше не надо. И так все отлично.

– Спасибо, – рассеянно ответил я.

– Нет, правда, – продолжил он, – я смотрел фильм “Бункер”. Дважды. Бруно Ганц там восхитителен, но до вас не дотягивает. Как вы себя держите… можно подумать, это вы и есть.

Я взглянул на него:

– Кто я есть?

– Ну, как будто вы и есть фюрер.

При этих словах он сделал странный жест: приподнял руки и, сложив вместе указательный и средний пальцы на каждой руке, дважды быстро согнул и разогнул их. Не хотелось в это верить, но, очевидно, вот что осталось через 66 лет от некогда строгого немецкого приветствия. Это было ужасно, но хотя бы доказывало, что мой политический труд не прошел совсем уж бесследно.

Я вскинул руку, отвечая на приветствие:

– Я и есть фюрер!

Он опять рассмеялся:

– С ума сойти, прямо как настоящий.

Не время было отвлекаться на его назойливую веселость. Я все лучше понимал свое положение. Если это не сон – а для сна все продолжалось чересчур долго, – то я действительно нахожусь в 2011 году. Стало быть, я попал в совершенно новый мир, а значит, наоборот, и сам стал для данного мира новым элементом. Если этот мир хотя бы отчасти функционирует по законам логики, то предполагается, что мне сейчас 122 года или же, и это более вероятно, что я давным-давно мертв.

– А вы еще кого-нибудь играете? – спросил мужчина. – Может, я вас уже видел?

– Я вообще не играю, – ответил я, вероятно, резковато.

– Конечно же нет. – Он почему-то вдруг сделал серьезное лицо. Потом подмигнул мне: – А где выступаете? У вас своя программа?

– Разумеется, – отозвался я. – Еще с 1920 года! Вам как фольксгеноссе должны быть известны двадцать пять пунктов.

Он торопливо кивнул.

– Нет, все-таки я вас еще не видел. У вас есть какая-нибудь рекламка? Или карточка?

– К сожалению, нет, – огорченно ответил я. – Документация и карты находятся в ситуационном центре.

Я попытался разобраться, что же мне теперь делать. Было очевидно, что появление 56-летнего фюрера в рейхсканцелярии или хотя бы в фюрербункере наверняка вызовет недоверие, даже точно вызовет. Надо потянуть время и проанализировать мои возможности. Надо найти пристанище. Я с болью осознал, что у меня в карманах нет ни единого пфеннига. На миг нахлынуло неприятное воспомнинание о жизни в мужском общежитии в 1909 году. Безусловно, то был необходимый период, когда сложились мои идеи, какие мне не смогли бы преподать ни в одном университете мира, и все же то было время нужды, которой я отнюдь не наслаждался. Мрачные месяцы пролетели в моей голове: презрение окружающих, пренебрежение, неуверенность, тревоги о насущном, сухой хлеб. Погруженный в свои мысли, я рассеянно откусил странный батончик у меня в руке. Он оказался на удивление сладким. Я внимательно поглядел на продукт.

– Мне тоже нравится, – сказал газетный торговец. – Хотите еще?

Я покачал головой. Передо мной стояли более важные задачи. Во-первых, следовало обеспечить себе простейшие ежедневневные средства к существованию. Требовалось жилье, немного денег, пока я не обрету более четкого понимания ситуации. Возможно, мне понадобится работа, по крайней мере на время, пока не выясню, смогу ли я вернуться к моей правительственной деятельности и если смогу, то каким образом. А до той поры придется зарабатывать на кусок хлеба. Может, в качестве художника, может, в архитектурном бюро. Разумеется, для начала я не стал бы чураться и физического труда. Что и говорить, гораздо больше пользы немецкому народу принесло бы использование моих знаний при каком-нибудь военном походе, однако ввиду незнания современной диспозиции это неосуществимо. Я даже не представляю, с кем сейчас граничит немецкий рейх, кто нам угрожает и кому нужно давать отпор. Так что придется пока рассчитывать на скромную работу руками, например при строительстве стратегического плацдарма или отрезка

автобана.

– Давайте-ка серьезно, – раздался тут голос газетного торговца. – Неужели вы всего-навсего любитель? С таким-то номером?

Неимоверная дерзость.

– Я не любитель! – энергично отрезал я. – Я не из тех буржуазных лентяев!

– Конечно, нет, – примирительно заверил он меня.

Похоже, в глубине души он честный малый.

– Я имею в виду, кем вы работаете?

Вот именно, кем? Что же ответить?

– В настоящее время я… несколько отошел от дел, – осторожно описал я свое положение.

– Не поймите меня неправильно, – заторопился торговец, – но если вы еще действительно ни разу не… то это просто невероятно! Послушайте, ко мне все время кто-то заглядывает, город же полон всяких агентов и телевизионщиков. Они только рады будут новому сюжету, новому лицу. Если что, как вас найти? У вас есть телефон? Или мейл?

– Э-мм…

– Где вы живете?

Тут он попал прямо по больному месту. Однако в помыслах у этого человека, казалось, не было ничего недостойного. И я решил рискнуть.

– Что касается жилья, то в настоящее время это… как бы сказать… несколько неопределенно.

– Ну, бывает, а может, у вас есть подруга, которую вы навещаете?

На миг я вспомнил о Еве. Где-то она сейчас?

– Нет, – пробормотал я, не желая того, подавленным тоном, – спутницы жизни у меня нет. Уже нет.

– Ох, – вздохнул лавочник, – понимаю. Все еще свежо.

– Да, – признался я, – все здесь… довольно свежо для меня.

– Ясно, последнее время все шло не очень, да?

– Пожалуй, именно так, – кивнул я, – нападение группы Штайнера[13 - Феликс Штайнер – генерал войск СС, в самом конце войны по приказу Гитлера должен был провести контрнаступление на советские войска и пробиться к Берлину. Потерпев неудачу, потому что войска под его началом были в плохом состоянии, он вопреки приказу стал отводить свою армейскую группу на запад, где сдался американцам.] непростительным образом так и не было осуществлено.

Он взглянул на меня ошарашенно:

– Я имел в виду вашу подругу. Кто был виноват-то?

– Не знаю, – растерялся я. – В конечном итоге, пожалуй, Черчилль.

Он рассмеялся. Потом посмотрел на меня пристально и задумчиво.

– Мне нравится ваша установка. Слушайте, хочу сделать вам предложение.

– Что за предложение?

– Я, конечно, не знаю, какие у вас запросы. Но если вам не нужно ничего особенного, то можете поспать здесь пару ночей.

– Прямо здесь? – Я огляделся.

– Или вы можете позволить себе “Адлон”?

Конечно, он был прав. Я смущенно уставился в пол.

– Вы же видите, я… практически без средств… – признался я.

– Ну так вот. Вообще-то не так уж странно, что вы не решаетесь выйти в свет с вашим талантом. Но вы не должны скрываться.

– Да я и не скрывался! – запротестовал я. – Это все бомбежки!

– Ну да, да, – махнул он рукой. – Итак: вы останетесь здесь на день-два, а я переговорю с парочкой покупателей. Вчера как раз пришли новый “Театр сегодня” и один из киножурналов, так что народ сейчас будет заглядывать. Может, у нас что-нибудь получится. Честно сказать, вам и стараться-то не надо, уже эта ваша отличная форма…

– Так, значит, я останусь здесь?

– Для начала. Днем будете при мне, чтобы я мог вас сразу представить, если кто появится. Ну а если никого не будет, хоть посмеюсь. Или у вас на примете есть другое жилье?

– Нет, – вздохнул я, – разве что бункер.

Он засмеялся. Но вдруг осекся.

– Послушайте-ка, а вы мне киоск не обчистите?

Я гневно посмотрел на него:

– По-вашему, я похож на преступника?

Он смерил меня взглядом:

– Вы похожи на Адольфа Гитлера.

– Вот именно, – сказал я.

Глава III

Последующие дни и ночи стали для меня тяжелым испытанием. Среди недостойнейшей обстановки, в скудном пристанище, окруженный печатной продукцией сомнительного толка, табачными изделиями, сластями и жестянками с напитками, скрючиваясь по ночам на терпимо, но не чрезмерно чистом кресле, я нагонял события последних шестидесяти шести лет, стараясь не привлекать к себе нежелательного внимания. В то время как другой на моем месте часами и днями бесплодно истязал бы голову над естественнонаучными вопросами, тщась решить загадку этого столь же фантастического, сколь и необъяснимого путешествия во времени, мой методично работающий рассудок был, несомненно, в состоянии приспособиться к данным условиям. Не размениваясь на плаксивые жалобы, он впитывал новые факты и исследовал обстановку. К тому же – чуть забегу вперед – оказалось, что новейшие условия предлагают более широкий выбор возможностей, притом лучших. К примеру, выяснилось, что за последние шестьдесят шесть лет на территории немецкого рейха, и в частности Берлина и его окрестностей, значительно сократилась численность советско-русских солдат. Сейчас их было от тридцати до пятидесяти человек, так что я мгновенно отметил неимоверно возросшие шансы на успех сравнительно с последней оценкой моего генерального штаба, когда лишь на Восточном фронте присутствовало примерно 2,5 миллиона солдат противника.

На короткий момент я даже задумался, уж не пал ли я жертвой заговора с похищением, в процессе которого вражеские секретные службы устроили трудоемкий розыгрыш, чтобы вопреки моей железной воле выманить у меня ценные тайны. Но одни лишь технические потребности для создания совершенно нового мира, где я вдобавок мог свободно перемещаться, – нет, этот вариант был еще более немыслимым, чем ежесекундно окружавшая меня действительность, которую я мог трогать руками и видеть глазами. Нет, требовалось продолжать борьбу в этом диковинном “здесь и сейчас”. А первым этапом борьбы по-прежнему оставалось просвещение.

Нетрудно представить, сколь проблематично получение надежной новейшей информации в отсутствие необходимой инфраструктуры. Предпосылки были чрезвычайно плохи: по внешнеполитическим вопросам я не мог обратиться ни в абвер, ни в Министерство иностранных дел, а что касается внутреннеполитических, то на первых порах не представлялось возможным установить контакт с гестапо. Даже посещение библиотеки в ближайшее время казалось чересчур рискованным. Таким образом, в моем распоряжении оставались лишь многочисленные издания, надежность которых я, конечно же, не мог проверить, а также реплики и обрывки разговоров прохожих. Газетный торговец любезно предоставил мне радиоаппарат, каковые благодаря техническому прогрессу уменьшились до немыслимых размеров, однако традиции Общенемецкого радио с 1940 года ужасающе переменились. Сразу же после включения раздался инфернальный шум, который то и дело прерывался непостижимой, абсолютно непонятной болтовней. С течением времени содержание не менялось, лишь учащались скачки от грохота к белиберде. Припоминаю, как тщился разобраться в шуме технического чуда, но несколько минут спустя в ужасе выключил его. Четверть часа я сидел бездвижно, словно контуженный, и решил оставить пока мои радиохлопоты. Таким образом, мне не осталось ничего иного, как обратиться к наличной прессе, хотя правдивое историческое просвещение никогда не являлось ее первоочередной целью и, разумеется, не могло таковой быть и сегодня.

Итак, на первый, безусловно несовершенный, взгляд положение дел выглядело следующим образом.

1. Турок все-таки не пришел нам на помощь.

2. Ввиду семидесятой годовщины операции “Барбаросса” имелось множество публикаций именно об этом аспекте немецкой истории. Причем кампания изображалась преимущественно в негативном свете. Повсеместно утверждалось, будто поход не был победоносным, а вся война не была выиграна.

3. Я действительно считался мертвым. Мне вменялось самоубийство. Действительно, припоминаю, что теоретически упоминал о подобной возможности в доверенном кругу, и признаю, что мне недостает воспоминаний о нескольких часах безусловно сложного периода времени. Однако достаточно было поглядеть на меня, чтобы признать факты.

Неужели я мертв?

Впрочем, чего еще ждать от наших газет! У них полуглухой записывает донесение слепца, деревенский дурачок его правит, и все это переписывают их коллеги из других печатных домов. Любую историю заново заливают все тем же выдохшимся наваром лжи, и это “чудное” варево подают наивному народу. Впрочем, в данном случае я вполне был готов проявить снисхождение. Все же редко судьба столь примечательным образом вмешивается в ход своего же собственного механизма, и это трудно осознать даже наисветлейшим умам, что уж говорить о посредственных индивидуумах из числа так называемых глашатаев общественного мнения.

4. Но что касается всех прочих аспектов, то тут следовало уподобить мозг желудку кабана. Ошибочные оценки прессы относительно военных, военно-исторических, политических и вообще любых тем вплоть до экономики, допущенные по полной неосведомленности или по злому умыслу, – все это следовало игнорировать, иначе мыслящий человек рисковал потерять рассудок перед лицом огромной напечатанной глупости.

5. Или же заполучить язву желудка – с такой безбожной тупостью стряпали тебе измышленную картину мира сифилически деградировавшие мозги оголтелой прессы, по всей видимости, лишенной всякого государственного контроля.

6. Немецкий рейх сменила некая “федеральная республика”, руководство которой, судя по всему, было в руках женщины (“федеральной канцлерши”), впрочем, ранее ее возглавляли и мужчины.

7. Опять появились разные партии и, как следствие, их неизбежные непродуктивные перебранки. Никак не истребимая социал-демократия вновь бесчинствовала на шее многострадального немецкого народа, прочие союзы каждый на свой лад вновь паразитировали на народном богатстве, но озадачивало, что похвала их, с позволения сказать, “работе” по большей части отсутствовала даже в этой лживой и, казалось бы, благорасположенной к ним прессе. Зато не прослеживалось никакой деятельности НСДАП, и поскольку нельзя было исключить ее поражения в прошлом, то, вероятно, страны-победительницы осложнили работу партии, а может, и вынудили ее уйти в подполье.

8. “Народный обозреватель” не был доступен повсеместно, по крайней мере в киоске моего чрезвычайного либерального торговца он отсутствовал, равно как

и любые иные национально ориентированные немецкие издания.

9. Территория рейха значительно сократилась, но нас окружали вроде бы все те же страны, и даже неуменьшенная Польша продолжала свое противоестественное существование, отчасти на бывшей территории рейха! При всей моей рассудительности я не мог в первый момент подавить определенное возмущение и выкрикнул в темноту ночного киоска: “Да далась мне вообще эта война!”

10. Рейхсмарка перестала быть платежным средством, но в то же время лелеянный мной план преобразовать ее в признаваемую всей Европой валюту был кем-то осуществлен, очевидно неразумным дилетантом из какой-то страны-победительницы. В настоящее время расчеты производились в искусственной валюте под названием “евро”, к которой относились с большим недоверием, как того и следовало ожидать. Кто бы это ни придумал, спроси он меня, я сразу бы это ему предсказал.

11. Похоже, царил частичный мир, хотя вермахт, как и прежде, вел войну, называясь ныне бундесвером и находясь, по всей видимости, в завидном состоянии благодаря техническому прогрессу. Если верить опубликованным цифрам, складывалась картина практически полной неуязвимости немецких солдат на поле брани, потери были единичны. Можно представить себе мою печаль, когда я со стоном вспоминал о своей трагической участи, о горьких ночах в фюрербункере, о том, как, скорбно согбенный над картами в ситуационном центре, я рычал, борясь с враждебным миром и судьбой. В ту пору на многочисленных фронтах истекали кровью более 400 тысяч солдат, и это только в январе 1945-го, но с великолепными современными войсками я без вопросов смел бы в море армии Эйзенхауэра, а орды Сталина на Урале и Кавказе раздавил бы, словно опарышей. Это была редкая по-настоящему добрая весть, из тех, что до меня добрались. Грядущий захват жизненного пространства на севере, востоке, юге и западе обещал с новым вермахтом успехи не меньшие, чем со старым. Насколько я понял, это было результатом реформы, проведенной недавно неким молодым министром, который, очевидно, обладал размахом Шарнхорста[14 - Герхард фон Шарнхорст (1755–1813) – реформатор прусской армии. Под “молодым министром” подразумевается Карл-Теодор цу Гуттенберг, бывший министр обороны Германии и очень перспективный консервативный политик (ему пророчили даже пост канцлера ФРГ), чья карьера оборвалась после того, как его докторская диссертация оказалась плагиатом, но он отказывался в этом признаваться.], но был вынужден покинуть пост из-за интриг столь же

завистливых, сколь и узколобых университетских ученых. Похоже, дела обстояли все так же, как некогда в Венской академии, куда я, исполненный надежд, подавал эскизы и рисунки: мелкие и раздираемые завистью душонки по-прежнему давили свежий и бесстрашно гордый гений, не в силах вынести, что его блеск с удручающей ясностью затмевает тление их собственного жалкого огонечка.

Ну да ладно.

Пусть к текущему положению дел и нелегко было привыкнуть, все же я не без удовольствия отметил, что открытой угрозы нет, по крайней мере пока, хотя неприятности имеют место. Как подобает уму творческому, я предпочитал в последнее время работать допоздна, но и подольше отдыхать для восстановления привычной свежести и быстроты реакции. Торговец, однако, в силу своей профессии имел обыкновение открывать киоск ранним утром, потому и я, чьи занятия часто растягивались вплоть до утренних часов, с этого времени уже не мог рассчитывать на освежающий сон. Усугублялось все прямо-таки выматывающей потребностью этого человека вести беседы с самого утра, когда мне, напротив, обычно потребен некий период самоопределения. В первое же утро он ворвался в киоск с криком:

– Ну, мой фюрер, как прошла ночь?

И без малейшего промедления распахнул окошко, отчего киоск наполнился особенно резким слепящим светом. Застонав, я зажмурил измученные глаза, постаравшись вызвать в памяти подробности моего местопребывания. Я был не в фюрербункере, это сразу же стало передо мной со всей очевидностью. Иначе по законам военного времени я моментально приказал бы расстрелять этого недотепу. Его утренний террор был чистейшей воды преступлением, направленным на подрыв оборонной мощи. Все же я сдержался и, осознав ситуацию, примирительно сказал себе, что в силу его профессии для кретина нет альтернативы и на свой неуклюжий манер он даже наверняка желает мне добра.

– Подъем! – прокаркал лавочник. – Давайте-ка, помогите мне!

И кивком головы указал на передвижные газетные стойки, одну из которых он как раз и потащил наружу. Вздохнув, я с трудом встал, чтобы выполнить его

требование, по-прежнему ощущая усталость. Таков парадокс: еще позавчера я передвигал 12-ю армию, а сегодня – стойки. Взгляд упал на новый номер журнала “Дичь и собака”[15 - Wild und Hund – старейший немецкий журнал об охоте, издается с 1894 года.]. Что-то еще сохранилось. И хотя я никогда не увлекался охотой, даже напротив, всегда относился к ней скорее критично, однако на какой-то момент на меня вдруг нахлынуло желание сбежать от этой странной действительности, оказаться с собакой за городом и на лоне природы наедине с тварью следить создание и угасание мира… Но я отбросил мечтания. За несколько минут мы вместе подготовили киоск к рабочему дню. Торговец вынес два раскладных стула и поставил их на солнце перед будкой. Предложил мне сесть, затем вынул из нагрудного кармана пачку и, постучав по ней, чтобы высунулись сигареты, протянул мне.

– Я не курю, – покачал я головой, – но спасибо.

Вынув сигарету, он сунул ее в рот, достал из кармана зажигалку и прикурил. Втянул в себя дым и с наслаждением выпустил его:

– Ахх, а теперь – кофе! Вам тоже? То есть если хотите – у меня здесь только растворимый.

Это было неудивительно – порошковый кофе. Конечно же, англичанин до сих пор блокировал морские пути, мне уж довелось вдосталь “насладиться” этой проблемой. Вполне понятно, что в мое отсутствие решение задачи было – да и остается – не по плечу этому видоизмененному или переименованному правительству рейха. Отважный и выносливый немецкий народ уже так долго, стало быть, принужден существовать на суррогатах. Muckefuck – так назывались тогда кофейные заменители, и я сразу припомнил вчерашний приторно-сладкий зерновой брикет, который здесь поневоле выступает в роли доброго немецкого хлеба. И мой несчастный торговец стыдился за то, что в удушающей хватке британского паразита он не может предложить гостю чего получше. Как это возмутительно! Я прямо растрогался.

– Вашей вины здесь нет, добрый человек, – успокоил его я, – да и не очень-то я люблю кофе. Но буду благодарен за стакан воды.

Так и прошло мое первое утро в этом необычном новом времени – сидя рядом с курящим газетным торговцем, я исполнился твердого намерения изучать

население, извлекая из его поведения новые знания, пока торговец не подыщет для меня какую-нибудь работу благодаря якобы имеющимся у него связям.

Первые часы у киоска принадлежали простым рабочим и пенсионерам. Они говорили немного, покупали табак, утренную прессу, особой любовью пользовалось издание под названием “Бильд”[16 - Das Bild – крупнейшая немецкая газета-таблоид, которая часто подвергается критике. Одно время была ежедневной газетой с самым высоким тиражом во всей Европе.], причем в основном у пожилых покупателей. Я объяснил это тем, что издатель выбрал невероятно крупный шрифт, чтобы люди с ослабленным зрением не были отрезаны от информации. Я похвалил про себя его великолепную находку, ведь даже ревностный Геббельс до этого не додумался, а таким образом мы, без сомнения, могли бы вызвать еще больше восторга у данной группы населения. Именно пожилым фольксштурмовцам в последние на моей памяти дни войны не хватало душевного подъема, выдержки и жертвенности, и кто бы мог подумать, сколь внушительного результата можно добиться таким простым приемом, как крупный шрифт?

Впрочем, тогда же не хватало бумаги. Функ был все-таки неисправимым тупицей. Тем временем мое присутствие у киоска привело к первым проблемам. Порой оно вызывало, особенно у молодых рабочих, веселье, чаще – одобрение, выражавшееся словами “круто” и “прикол”, несколько непонятными, однако мимика говорила о бесспорном уважении.

– Здорово, правда? – сиял в ответ торговец. – Прям не отличишь, да?

– Ага, – ответил один из покупателей, рабочий лет двадцати, сворачивая газету. – А это разве можно?

– Что? – спросил мой торговец.

– Ну в такой форме.

– А что может быть порочного в мундире немецкого солдата? – спросил я с легким раздражением в голосе.

Покупатель рассмеялся, очевидно, чтобы меня успокоить.

– Нет, он правда отличный. Ну я понимаю, это ваша профессия, но, наверное, нужно какое-то специальное разрешение, чтобы так открыто носить эту форму?

– Ну прекрасно! – возмутился я.

– Ну я просто подумал, – оробел тот, – все-таки Конституция…

Я задумался. Что он имеет против моей конституции? Я оглядел себя: со мной все в порядке, я в отличной форме. Хотя нет, как раз форма и оставляет желать лучшего.

– Согласен, мундир несколько грязен, – с легким сожалением отозвался я, – однако даже грязная форма солдата стократ почетнее чистого фрака лживой дипломатии!

– А что тут запрещенного? – рассудительно вмешался торговец. – На ней же нет свастики.

– Что значит “нет”?! – сердито вскричал я. – Вы и так прекрасно знаете, к какой партии я принадлежу!

Покупатель с нами распрощался, качая головой. Когда он ушел, торговец предложил мне опять присесть и спокойно обратился ко мне.

– Парень отчасти прав, – дружелюбно сказал он. – Покупатели уже странно поглядывают. Я знаю, что вы очень серьезно относитесь к своей работе. Но, может, вы правда переоденетесь?

– Так, значит, я должен отречься от моей жизни, моей работы и моего народа? Вы не смеете этого от меня требовать! – Я опять вскочил. – Я буду носить мой мундир до последней капли крови. Я не нанесу столь подлым предательством второго удара в спину жертвам нашего движения, как Брут Цезарю…

– Обязательно всякий раз так кипятиться? – Теперь и в его голосе послышалось недовольство. – Дело не только в самой форме…

– Но и в чем?

– Она воняет. Не знаю уж, из чего вы ее смастерили, но, похоже, в дело пошли старые комбинезоны бензозаправщиков, а?

– Простой пехотинец на поле боя тоже не может переменить мундир, так что и я не склоню голову перед декадентскими прихотями тех, кто уютно устроился себе в тылу.

– Вполне возможно, но подумайте о своей программе!

– Причем тут она?

– Ну вы же хотите донести вашу программу до людей, правда?

– Ну да.

– Так подумайте, что получится, если действительно придут люди, чтобы с вами познакомиться. А от вас такой аромат, что страшно зажечь сигарету.

– Вы же не испугались, – парировал я, но моим словам недоставало привычной резкости, ибо против желания приходилось соглашаться с его аргументами.

– Так я смелый, – рассмеялся он. – Давайте-ка, сходите быстренько домой и наденьте что-нибудь другое.

Опять всплыла эта злосчастная жилищная проблема.

– Я же вам говорил, что в настоящий момент это сложно.

– Да ладно, ваша бывшая подружка наверняка ходит на работу. Или хоть за покупками. Зачем вы все усложняете?

– Видите ли, – неуверенно начал я, – это очень проблематично. Квартира…

Я очутился в тупике. Да и вся ситуация была унизительна.

– У вас что, ключа нет?

Теперь пришла моя очередь рассмеяться от такой невероятной наивности. Я даже не знал, существовал ли вообще ключ от фюрербункера.

– Нет, э-э-э… как бы это сказать? Контакт больше… невозможен.

– У вас что, судебный запрет на общение?

– Я и сам не могу это себе объяснить, – ответил я. – Но в некотором роде да.

– Боже мой, по вам и не скажешь, – сдержано отреагировал торговец. – Что же вы натворили?

– Не знаю, – честно признался я, – у меня пропали воспоминания о том периоде.

– Но, по-моему, у вас нет склонности к насилию, – задумчиво произнес он.

– Ну, – отозвался я, пригладив руками пробор, – я, конечно, солдат…

– Вот что, солдат, – сказал торговец, – хочу вам еще кое-что предложить. Вы хороший человек, и мне по душе ваша одержимость.

– Разумеется, – подтвердил я, – любой разумный человек одержим. Надо стремиться к цели изо всех сил и да, с одержимостью. Равнодушный, лживый компромисс – корень всех бед и…

– Хорошо, хорошо, – перебил он меня, – смотрите. Завтра я принесу вам кое-какие мои старые вещи. Не надо благодарить, я в последнее время немного поправился, так что пуговицы не застегиваются, – он недовольно посмотрел на свой живот, – но вам, пожалуй, это подойдет. По счастью, вы не Герингом работаете.

Я был сбит с толку:

– А он-то тут при чем?

– А потом я сразу отнесу вашу форму в чистку…

– Я не расстанусь с формой! – твердо заявил я.

– Ладно, – он как будто немного устал, – вы сами отнесете вашу форму в чистку. С этим-то вы согласны? Согласны, что ее надо почистить?

Возмутительно, когда с тобой обращаются как с ребенком. Но, очевидно, так будет продолжаться до тех пор, пока я буду расхаживать грязным, словно маленький пострел. Пришлось кивнуть.

– Только вот с ботинками будет трудновато, – сказал он. – Какой у вас размер?

– Сорок третий, – смиренно ответил я.

– Мои будут малы. Но ничего, что-нибудь придумаю.

Глава IV

Должно с пониманием отнестись к читателю, если на этом или же другом моменте в нем зародится удивление той скорости, с которой я приноровился к условиям новой ситуации. Разумеется, на голову читателя целые годы, даже десятилетия моего отсутствия беспрестанно лили из поварешки демократии превратное марксистское понимание истории, и, бултыхаясь теперь в этом вареве, он не способен видеть дальше края своей тарелки – иначе и быть не может. Я не собираюсь сейчас обращаться с упреком к честному рабочему, к славному крестьянину. Да и как мог простой человек взроптать или протестовать против того, что на протяжении шести десятилетий всякие псевдоспециалисты да понабежавшие ученые провозглашали с высоких кафедр их мнимых храмов науки, что фюрер-де мертв? Кто станет обижаться на простака за то, что в пылу насущной битвы за выживание он не нашел сил спросить: “Где же он, этот мертвый фюрер? Где лежит он? Покажите его мне!” То же самое относится и к женщинам.

Но если фюрер внезапно появляется там, где и был всегда, а именно в столице Германской империи, то, конечно, смятение, всеобщее потрясение в народе столь же велики, как и изумление этому факту. И было бы совершенно понятно, если бы и я сам провел дни, даже недели в бездвижном удивлении, парализованный непостижимостью. Но судьбе угодно, чтобы я был иным. И потому заблаговременно, среди трудов и лишений, в тяжкие годы учения мне удалось сформировать разумный образ мыслей – он был выкован в теории, закален на жестоком поле битвы практики и стал образцовым оружием, неизменно определяя мое дальнейшее становление и созидание, и теперь моему мышлению не требовались новомодные и легкомысленные видоизменения, но, напротив, оно дало мне постичь старый и одновременно новый смысл происходящего. И в конечном итоге истинная мысль фюрера вырвала меня из бесплодных поисков объяснений.

В одну из первых ночей я беспокойно ворочался в кресле, не смыкая глаз после утомительного чтения и размышляя о моей суровой доле, пока вдруг меня не пронзило видение. Молниеносно сев, я широко раскрыл глаза от нахлынувшего озарения и вперился взглядом в огромные банки с разноцветными сластями и прочей ерундой. А перед моим внутренним оком я четко видел картину, словно отлитую из сверкающей руды, – это же сама судьба своей загадочной рукой вторглась в ход событий. Я ударил себя по лбу ладонью, браня за то, что не понял очевидного раньше. Уже не в первый раз судьба властно хваталась за штурвал. Не так ли было в 1919 году, на острие немецкого несчастья? Разве не поднялся тогда из окопов неизвестный ефрейтор? Разве не объявился вопреки притеснениям мелких, мелочных обстоятельств ораторский талант, один среди многих, среди потерявших надежду, причем именно там, где его меньше всего ждали? И разве не явил этот талант вдобавок потрясающее богатство опыта и знания, собранное в наигорчайшие венские дни, вскормленное ненасытной жаждой знаний, благодаря которой подросток с живым умом с младой юности впитывал все связанное с историей и политикой? А его драгоценнейшие познания, вроде бы случайные, но на самом деле собранные самим Провидением по крупицам в одном муже? И разве не смог он, этот невзрачный ефрейтор, на чьи одинокие плечи взвалили свои надежды миллионы людей, разве не смог он разорвать кандалы Версаля и Лиги Наций и с легкостью, дарованной ему богами, выдержать навязанные бои с армиями Европы, против Франции, против Англии, против России, разве не смог этот якобы лишь посредственно образованный человек, опровергая единогласный приговор так называемых специалистов, привести отечество к высочайшим ступеням славы?

Речь обо мне.

Каждое отдельное событие той поры, до сих пор грохотавшее в моих ушах, каждая отдельная ситуация была гораздо более невероятна, чем все случившееся со мной за последние два-три дня. Мой взгляд ножом пронзил темноту между банкой с леденцами на палочке и банкой с желейными конфетами, там, где ясный лунный свет, словно ледяной факел, озарил мою блестящую мысль. Разумеется, что одинокий боец, который выводит целый народ из болота заблуждения, что такое чудное дарование встречается, наверное, раз в сто или двести лет. Но что делать судьбе, если этот козырь уже разыгран? Если в наличном человеческом материале не находится головы, вмещающей необходимые качества?

Тогда волей-неволей приходится вытянуть его из колоды прошлого.

И хоть это, без сомнения, чудо, однако это несравненно легче, нежели выковать народу новый острый меч из доступной низкопробной жести. И едва только сияющая ясность этой идеи начала успокаивать мой мятежный ум, как уже новая тревога зародилась в моей отныне недремлющей груди. Ведь это умозаключение вело с собой и незваного гостя: раз уж судьба была вынуждена прибегнуть к подобному, чего уж тут скрывать, шулерскому трюку, то значит, положение дел, пусть и вполне спокойное на первый взгляд, в действительности гораздо безнадежнее, чем тогда.

Народ на краю еще большей опасности!

В этот самый момент с кристальной ясностью меня пронзила, словно звук фанфары, мысль, что нечего терять время на академические размышления и погрязать в мелочных обсуждениях “как же так” и “надо ли”, ведь есть более существенные аспекты – “почему” и “что”.

Все же остался еще один вопрос: почему я? Ведь столько великих людей немецкой истории ждут второго шанса, чтобы повести народ к новой славе? Почему не Бисмарк, не Фридрих Второй?

Или Карл?

Или Отто?

После недолгих размышлений ответ на этот вопрос нашелся так легко, что я расплылся в смущенной улыбке. Ведь гераклов подвиг, предстоящий избраннику, мог оказаться не по плечу даже самым отважным мужам, великим и величайшим немцам. Один, предоставленный самому себе, без партаппарата, без правительственной мощи – это можно было поручить лишь тому, кто однажды уже доказал, что способен очистить от навоза авгиевы конюшни демократии. Теперь предстояло ответить: а хочу ли я вторично взвалить на себя все те мучительные жертвы? Вновь глотать лишения, давиться презрением? Ночевать в кресле по соседству с чайником, где днем разогревались скромные говяжьи сосиски? И все это из-за любви к тому народу, который как-то раз уже предал собственного фюрера в борьбе за свое великое предназначение? Что случилось с нападением группы Штайнера? Или с Паулюсом, этим бесчестным подлецом?

Нет, надо осадить злобу и строго отделить слепую ярость от праведного гнева. Как народ должен быть верен своему фюреру, так и фюрер – народу. При надлежащем руководстве простой пехотинец всегда старался изо всех сил, и нельзя упрекнуть его, если он не может честно маршировать во вражеский огонь, потому что трусливое и позабывшее о долге генеральское отродье выбивает у него из-под сапог честную солдатскую смерть.

– Да! – выкрикнул я в темноту киоска. – Да! Я хочу! И я буду! Да, да и еще раз да!

Ночь ответила мне черной тишиной. Потом неподалеку раздался одинокий выкрик:

– Точно! Все они сволочи!

Это могло бы стать мне предостережением. Но даже если бы я уже тогда знал о бесчисленных хлопотах, о горьких жертвах, какие мне в дальнейшем придется принести, о жестоких муках неравной борьбы, я прокричал бы мою клятву еще горячее и вдвое громче.

Глава V

Уже первые шаги оказались для меня трудны. Дело было не в недостатке силы, но в чужой одежде я действительно казался себе идиотом. Брюки и рубашка еще подошли. Торговец принес мне чистые штаны из синего хлопка, которые называл “шинсы”, и чистую рубашку из красного хлопка в клетку. Вообще-то я рассчитывал получить костюм и шляпу, но, внимательно приглядевшись к газетному торговцу, задним числом признал подобные надежды иллюзорными. Этот человек в своем киоске не носил костюма, да и его клиентура, насколько я мог судить, также была одета не особенно буржуазно. Добавлю ради точности, что шляпы им были, очевидно, вовсе неизвестны. Я решил придать ансамблю достоинства, насколько это возможно моими скромными средствами, и вопреки причудливой идее носить рубашку поверх брюк, наоборот, заправил ее в брюки подчеркнуто глубоко. Подтянув широковатые брюки повыше, мне удалось исправно закрепить их моим собственным ремнем. Портупею я натянул через правое плечо. Пусть это и не выглядело как немецкая военная форма, но, по крайней мере, я производил впечатление мужчины, умеющего одеваться прилично. А вот ботинки оказались проблемой.

По словам газетного торговца, у него не нашлось знакомых с подходящим размером ноги, потому он принес некую своеобразную обувь своего племянника-подростка – ботинками это можно было назвать лишь с большой натяжкой. Они были белые, огромные и с чудовищными подошвами, так что человек выглядел в них цирковым клоуном. Мне пришлось призвать на помощь все самообладание, чтобы не запустить этой нелепой обувью в его дурацкую голову.

– Это я не надену, – решительно заявил я. – Я выгляжу в них как шут гороховый!

Наверное обидившись, он заметил, что, например, не согласен с моей манерой заправлять рубашку, но я простил его. Прижав штанину шинсо-брюк к икре, я натянул мои привычные сапоги.

– Вы категорически не желаете выглядеть как нормальные люди? – спросил торговец.

– И где бы я был, если бы делал все, как эти так называемые нормальные люди? – отрезал я. – И где была бы Германия?

– Хм. – Миролюбиво хмыкнув, он зажег новую сигарету. – В принципе, логично.

Он сложил мою форму и засунул ее в довольно интересный мешок. Необычным в нем был не только материал, своеобразный очень тонкий пластик, явно более прочный и износоустойчивый, нежели бумага. Любопытна была напечатанная на нем надпись: “Медиамаркт”. Очевидно, мешок служил упаковкой для той идиотической газеты, которую я нашел под скамейкой. Следовательно, газетный торговец был по сути своей весьма разумным человеком – он оставил полезный мешочек, но выкинул его бестолковое содержимое. Теперь же он вложил мешок мне в руку, описал дорогу до химчистки и весело пожелал:

– Успехов!

Итак, я направился в путь, хоть и не прямиком в химчистку. Моя дорога лежала сначала к тому участку, где я очнулся. При всем моем бесстрашии я не мог оставить смутную надежду: вдруг все-таки кто-нибудь сопровождает меня из того времени в это? Я нашел знакомую скамейку, на которой некогда отдыхал, с предельной осторожностью перешел улицу и отыскал между строениями дорогу к тому самому пустырю. Сейчас, незадолго до полудня, там было тихо. Мальчуганы из гитлерюгенда не играли, а, наверное, учились. Пустырь был пуст. С сумкой в руке я нерешительно подошел к луже, от которой почти ничего не осталось. Было тихо – насколько может быть тихо в большом городе. Слышались и далекий шум транспорта, и жужжание шмеля.

– Псст, – прошипел я, – псст!

Ничего не произошло.

– Борман, – тихо окликнул я тогда. – Борман! Вы где-нибудь здесь?

Налетел порыв ветра, пустая консервная банка стукнула о другую. Больше ничего не пошевелилось.

– Кейтель? – позвал я. – Геббельс?

Но никто не ответил. Ну да ладно. Так даже лучше. Тот, кто силен, всего сильней один[17 - Цитата из пьесы Ф. Шиллера “Вильгельм Телль”. Перевод Н. Славятинского.]. Это было верно и ранее, и тем более верно в этот час. Зато настала полная ясность. Надо спасать народ в одиночку. В одиночку – землю, в одиночку – человечество. И первый шаг на судьбоносной дороге вел в химчистку.

Сжав в руке мешочек, я решительно направился обратно к моей старой школьной скамье, за которой выучил самые драгоценные уроки в жизни, то есть на улицу. Я внимательно следил за дорогой, сравнивал ряды домов и улицы, проверял, сверял и размышлял. Первая рекогносцировка внушала известный оптимизм: страна… или как минимум город казался прибранным, очищенным от руин, и в общем и целом констатировалось удовлетворительное предвоенное состояние. Новые “фольксвагены” ездили вроде надежно и тише, чем раньше, хотя с эстетической точки зрения отвечали далеко не всякому вкусу. Но что для зоркого глаза сразу портило общий вид, так это бесконечная раздражающая мазня на всех стенах. Техника была мне, разумеется, знакома – еще во время Веймара прихвостни коммунистов малевали повсюду свои большевистские гадости. Это, кстати, тоже многому меня научило. Но в ту пору можно было хотя бы прочесть лозунги обеих сторон. Сейчас же, отметил я, совершенно невозможно разобрать эти многочисленные послания, которые представлялись их авторам столь важными, что ими уродовали фасады домов честных граждан. Можно было лишь надеяться, что виной тому необразованность левого сброда, но когда в течение моего пути послания так и не стали более внятными, я задумался: а не скрываются ли среди них и важные сообщения, как, например, “Проснись, Германия” или “Зиг хайль!”? Могучий гнев вскипел во мне при виде такого дилетантизма. Здесь явно недоставало ведущей руки, строгой организации. Особенно досадно было то, что многие надписи требовали большого труда и большого расхода краски. А может, в мое отсутствие для политических лозунгов придуман особый шрифт? Решив основательно разобраться, я подошел к женщине, ведущей за руку ребенка.

– Простите за беспокойство, уважаемая госпожа, – обратился я к ней и свободной рукой указал на одну из настенных надписей: – Что здесь написано?

– Да откуда я знаю? – бросила она в ответ, наградив меня странным взглядом.

– Так, значит, вам этот шрифт тоже кажется странным? – не отставал я.

– Да, и шрифт тоже, – осторожно сказала она, увлекая ребенка прочь. – А с вами-то все в порядке?

– Не волнуйтесь, – ответил я, – я только быстро схожу в чистку.

– А лучше бы в парикмахерскую! – крикнула она.

Повернув голову, я наклонился к окну новомодного автомобиля, чтобы изучить свой лик. Пробор был еще в порядке, хотя и небезупречен, усы надо будет подстричь через пару дней, однако посещение парикмахерской не относилось пока к факторам, решающим исход войны. Заодно уж я подсчитал, что для основательного мытья тела стратегически удобным представляется ближайший день, а может, вечер. И я двинулся дальше, мимо вездесущей настенной пропаганды, которая с тем же успехом могла быть написана китайскими значками. Кроме того, на улице мне бросилось в глаза, что население в завидном объеме оснащено народными радиоприемниками. На очень многих окнах виднелись радиолокационные тарелки – без сомнения, для приема радиосигналов. Вот если мне только удастся выступить по радио, будет легко приобрести новых убежденных фольксгеноссе. Я же тщетно пытался прослушать радиопрограмму, которая звучала так, словно играл пьяный музыкант, а заика читал эту непонятную мазню на стенах. Мне надо будет лишь заговорить на понятном немецком языке – этого будет достаточно. Окрыленный, я уверенно шел своей дорогой и издалека заметил вывеску “Блицчистка Йилмаз”.

Это было несколько неожиданно.

Разумеется, многочисленные газеты подразумевали наличие турецких читателей, пусть обстоятельства их появления оставались пока неясны. Да и на моем пешем пути я отмечал того или иного прохожего, чье арийское происхождение было, мягко сказать, под вопросом не просто в четвертом или пятом поколении, но и буквально в последнюю четверть часа. И хотя было непонятно, в какой функции пребывают здесь расовые чужаки, они явно не занимали руководящих должностей. Потому было трудно представить, будто они могли полностью перехватить средние предприятия вплоть до изменения названий. Решение окрестить прачечную именем “Йилмаз” казалось – исходя из моего опыта – непостижимым, даже учитывая потребности экономической пропаганды. С каких это пор “Йилмаз” означает чистые рубашки? “Йилмаз” – это худо-бедно перевозки на старенькой ослиной повозке. Но альтернативной чистки не наблюдалось. Да и следовало подавлять политического противника быстротой нападения. Мне действительно требовалась блицчистка. Охваченный нешуточным смятением, я шагнул внутрь.

Меня встретил немелодичный перезвон колокольчиков. Пахло чистящими средствами, было тепло, чересчур тепло для моей хлопковой рубашки, однако разыскать сейчас превосходное обмундирование Африканского корпуса не

представлялось возможным. В прачечной никого не было. На прилавке стоял колокольчик, какие встречаются обычно в гостиницах.

Ничего не происходило.

Отчетливо раздавалась восточно-плаксивая музыка, вероятно, анатолийская прачка грустила где-то в задних рабочих помещениях о далекой родине – удивительное поведение, учитывая, что ей посчастливилось жить в столице Германской империи. Я разглядывал предметы одежды, висящие шеренгой за прилавком. Они были обернуты в прозрачный материал, отчасти напоминавший вещество, из которого состоял мой мешок. Очевидно, в него теперь заворачивали вообще все. Однажды я видел подобный материал в лабораториях, но, видимо, за последнее время IG Farben сильно продвинулись в этом направлении. По моим сведениям его производство напрямую зависело от наличия нефти и было потому дорогостоящим. Однако здешняя манера обхождения с пластиком, да и количество автомобилей на дорогах свидетельствовали, что проблем с нефтью больше нет. Может, в руках рейха остались румынские месторождения? Маловероятно. Или Геринг в конце концов отыскал залежи в родной земле? Губы мои сложились в горькой усмешке – Геринг! Он скорее найдет золото в собственном носу, чем нефть в Германии. Никчемный морфинист! Что, интересно, с ним стало? Нет, более вероятно, что мы переключились на другие ресурсы и…

– Ждать уже долго?

Из проема, ведущего в задние помещения, выглядывал южный европеец с азиатскими скулами.

– Порядочно, – недовольно ответил я.

– Зачем не звонок? – Он указал на колокольчик на прилавке и мягко ударил по нему ладонью.

Колокольчик зазвенел.

– Я звонил здесь! – выразительно ответил я и открыл входную дверь. Вновь раздался странный искаженный перезвон.

– А нужен звонить здесь! – безразлично повторил он и вновь ударил по своему колокольчику.

– Немец звонит один раз, – раздраженно сказал я.

– Тогда здесь, – возразил этот мишлинг неизвестно какой степени и вновь позвонил.

Я внезапно почувствовал нестерпимое желание вызвать сюда штурмовиков, чтобы разорвать барабанную перепонку негодяя его же собственным колокольчиком. Или лучше обе, пусть объясняет потом будущим клиентам, где им следует рукой махать. Я вздохнул. Как же досадно, когда приходится обходиться без простейших вспомогательных средств. Делу придется подождать, пока кое-что в этой стране вновь не наладится, но в уме я уже начал составлять список вредителей, и “Блицчистка Йилмаз” оказалась в нем на самом верху. Однако до поры до времени мне не оставалось ничего лучшего, как гневно убрать колокольчик из зоны его досягаемости.

– Скажите-ка, – сурово спросил я, – вы здесь вещи тоже чистите? Или в той местности, откуда вы родом, чисткой называют такой вот трезвон?

– Что хотеть?

Я положил сумку на прилавок и вынул форму. Он слегка принюхался и сказал:

– Ах, работаете заправка?

И невозмутимо взял мою форму.

Мне не следовало бы беспокоиться о том, что там себе думает неголосующий элемент чуждой расы, однако проигнорировать такое было невозможно. Хорошо, человек не местный, но неужели я настолько позабыт? Хотя и прежде народ знал меня в основном по официальным фотографиям, на которых я обычно изображался с особенно удачного углового ракурса. Знаменитость во плоти и впрямь иной раз на удивление непохожа на собственные снимки.

– Нет, – твердо сказал я, – я не работаю на заправочной станции.

И, чуть вскинув голову, скользнул взглядом мимо него, вверх, призывая на помощь фотогенический угол зрения, чтобы яснее показать, кто перед ним. Чистильщик оглядел меня без особого интереса, скорее для приличия, и все же мой вид, похоже, что-то ему напомнил. Он наклонился вперед и посмотрел через прилавок на мои форменные сапоги и безупречно заправленные в них брюки.

– Ну не зна… неужто вы – тот самый Ангельман?

– Да придите же в себя! – воскликнул я в сердцах, изрядно разочарованный.

Даже при общении с газетным торговцем, хотя он тоже явно не семи пядей, я и то мог опираться на какие-то его базовые знания. Но это! И как мне возвращаться теперь в рейхсканцелярию, когда меня никто не признает?

– Минуту, – сказал приезжий болван, – звать сына. Всегда телевизор, всегда интанет, все знать. Мехмет! Мехмет!

Вскоре означенный Мехмет к нам вышел. Высокий, умеренно опрятный подросток прошаркал в прачечную со своим то ли другом, то ли братом. Семья могла похвастаться незаурядной наследственностью: оба юноши носили вещи своих старших явно гигантских братьев. Рубашки, словно простыни, и невероятно огромные штаны.

– Мехмет, – спросил у него родитель, – знаешь его?

В глазах мальчугана, которого уже трудно назвать мальчуганом, мелькнул огонек.

– А чего, ясно ж! Это ж тот тип, всегда делает наци-штучки…

Ну хоть что-то! Формулировка, безусловно, немного фамильярная, но, по крайней мере, не совсем уж мимо.

– Это называется “национал-социализм”, – благосклонно поправил я, – или можно сказать “национал-социалистическая политика”.

Я довольно и со значением взглянул на блицчистильщика Йилмаза.

– Так это ж Штромберг[18 - Stromberg, Switch – пародийные телесериалы.], – убежденно сказал Мехмет.

– Круто! – отозвался его товарищ. – Штромберг в вашей прачечной.

– Не-е, – поправился Мехмет, – это другой Штромберг. Из Свича.

– Йо-о-о, – покладисто подкорректировал свое высказывание товарищ, – другой Штромберг! В вашей прачечной!

Я хотел ему как-то возразить, но должен признаться, что был весьма обескуражен. За кого же меня здесь вообще принимают? За другого Штромберга? Или того самого Ангельмана?

– Автограф дашь? – радостно спросил Мехмет.

– Ага, господин Штромберг, и мне, – попросил товарищ, – и фотку!

Он помахал передо мной каким-то мелким прибором, словно я был таксой, а прибор – лакомством.

Хотелось взвыть белугой.

Что ж, пришлось вытерпеть, пока мне выдадут квитанцию и пока странные ребята сфотографируются со мной на память. Я покинул блицчистку, лишь когда подписал протянутым фломастером два листа упаковочной бумаги. Во время выдачи автографов имел место небольшой кризис из-за недовольства тем, что я не подписываюсь как “Штромберг”.

– Да ясно же, – успокоил товарищ, хотя было не совсем понятно, кого он уговаривал, меня или Мехмета. – Это же не Штромберг!

– Точно, – поддакнул Мехмет. – Вы ж не он, а другой.

Надо признаться, я недооценивал грандиозность задачи. Тогда, после мировой войны, я был, по крайней мере, безымянным солдатом из народа. Теперь же я

господин Штромберг, но другой. Тот, кто всегда делает наци-штучки. Тот, кто может написать на листе упаковочной бумаги любое имя – и не будет никакой разницы.

Что-то должно произойти.

Срочно.

Глава VI

По счастью, тем временем действительно кое-что произошло. Когда, погруженный в свои мысли, я подходил к киоску газетного торговца, то увидел, как тот о чем-то говорит двум господам в солнечных очках. Они были в костюмах, однако без галстуков, не старые, около тридцати, а тот, что пониже, наверняка и моложе, хотя на расстоянии я не мог точно оценить. Старший, несмотря на явно добротный костюм, был странным образом небрит. Когда я приблизился, торговец возбужденно поманил меня:

– Идите, идите же сюда! – И, вновь обернувшись к господам, произнес: – Вот и он! Такой классный. С ума сойти. Да остальные будут курить в уголке!

Я не позволяю себя подгонять. Истинный вождь сразу же по мельчайшим деталям замечает, когда кто-то пытается завладеть ситуацией. Если говорят “быстро, быстро”, то истинный вождь постарается предотвратить ускорение событий и опрометчивые промахи, он явит особую осмотрительность там, где другие безмозгло порют горячку, словно испуганные куры. Разумеется, бывают моменты, когда поспешность необходима, к примеру, если находишься в доме, охваченном пламенем, или если хочешь взять в клещи многочисленные английские и французские дивизии и истребить их до последнего человека. Но такие ситуации случаются реже, чем думаешь, а в повседневной жизни превосходство в конечном итоге и в большинстве случаев остается за осмотрительностью, разумеется, сопряженной с решительной отвагой! Так и в стрелковом окопе перед лицом ужаса выживает часто тот, кто бестрепетно, с трубкой во рту шагает через рубеж, а не снует туда-сюда, голося, как баба. В то же время курение не является залогом выживания в кризисной ситуации, курильщиков тоже убивали в мировую войну, и надо быть кретином, чтобы

считать, будто курение имеет какое-то защитное действие, можно обойтись без трубки и без табака, если кто-то вообще не курит, как, например, я.

Пока подобные мысли рождались у меня в голове, торговец нетерпеливо подошел ко мне и готов уже был потянуть меня, словно мула, к их небольшому “заседанию”. Вероятно, я и правда несколько замешкался, все-таки в форме я чувствовал себя лучше, хоть и сейчас не терял уверенности.

– Вот он, – повторил торговец с непривычным возбуждением. – А это, – он указал рукой на обоих господ, – те самые люди, о которых я вам расска зывал.

Старший, засунув руку в карман брюк, стоял у высокого столика и пил кофе из картонного стаканчика, как это часто делали рабочие в прошлые дни. Младший поставил стаканчик, поднял очки на лоб, к основанию коротко стриженных и чрезмерно набриолиненных волос, и сказал:

– Вы, значит, тот самый золотой мальчик. Да, над формой вам еще надо поработать.

Коротко и небрежно скользнув по нему взглядом, я обернулся к газетному торговцу:

– Это кто?

Лицо его пошло красными пятнами:

– Это господа из кинокомпании. Они работают со всеми главными каналами. MyTV! RTL! Sat 1! Pro Sieben![19 - Немецкие коммерческие телеканалы.] Весь частный сектор! Ведь можно так сказать, да?

Последний вопрос был обращен к обоим господам.

– Можно так сказать, – покровительственно ответил старший.

Он вынул руку из кармана, протянул мне и представился:

– Зензенбринк, Йоахим. А это – Франк Завацки, работает вместе со мной во “Флешлайт”.

– Ага. – Я пожал ему руку. – Гитлер, Адольф.

Младший расплылся в улыбке, которая показалась мне заносчивой.

– Наш общий друг вас так расхваливал. Расскажите-ка что-нибудь!

Ухмыляясь, он положил два пальца на верхнюю губу и с дурашливым коверканьем провозгласил:

– С пяти сорока пяти мы ведем ответный огонь![20 - Фраза из радиообращения Гитлера после нападения на Польшу.]

Я обернулся к нему и хорошенько смерил его взглядом. Потом позволил ненадолго воцариться тишине. Тишину часто недооценивают.

– Так, – сказал я, – вы, стало быть, хотите поговорить о Польше. Польша. Ну хорошо. Что вам известно про историю Польши?

– Столица Варшава, нападение в 1939 году, поделена с русскими…

– Это, – резко возразил я, – книжные штампы. Ими может нажраться любая бумажная моль. Отвечайте на мой вопрос!

– Но я же…

– На мой вопрос! Вы понимаете немецкий язык? Что! Вы! Знаете! Про! Историю Польши!

– Я…

– Что вы знаете о польской истории? О взаимосвязях? А что вам известно о польской смеси народов? О так называемой немецкой политике в отношении Польши после 1919 года? И, раз уж вы заговорили об ответном огне, вы хоть

знаете, куда стрелять?

Я сделал небольшую паузу, чтобы набрать воздуха. Обрушиваться на политического противника надо в правильный момент. Не когда ему нечего сказать. А когда он пытается что-то сказать.

– Я…

– Раз уж вы слышали мою речь, то должны знать, как она продолжается?

– Это…

– Я слушаю?

– Мы же здесь не для…

– Ладно, я помогу вам: “С этого момента…” – помните, как дальше?

– …

– “С этого момента мы будем мстить бомбой за каждую бомбу”. Запишите себе, быть может, однажды вас еще спросят о великих словах в истории. Но возможно, вы лучше разбираетесь в практике. В вашем распоряжении 1,4 миллиона человек и тридцать дней на то, чтобы захватить целую страну. Тридцать дней, не больше, потому что на западе нервно вооружаются французы и англичане. С чего вы начнете? Сколько вы образуете групп армий? Сколько дивизий у врага? Где ожидать наиболее сильного сопротивления? И что вы предпримете, чтобы румын не вмешался?

– Румын?

– Простите, уважаемый. Конечно же, вы правы: кому какое дело до румына? Господин генерал же марширует в Варшаву, в Краков, он не смотрит ни направо, ни налево, да и зачем, поляк – противник слабый, погода чудесна, войско в превосходном состоянии, но… опля, что такое? А у нашей армии сплошь маленькие дырки между лопаток, и из дырок льется кровь немецких героев, потому что совершенно внезапно в сотнях тысяч немецких воинских спин

оказываются миллионы румынских винтовочных пуль. Ой, и как же так? Ой, откуда ж это? Может, наш молодой господин генерал позабыл о польско-румынском военном союзе? Вы вообще в вермахте служили? При всем желании не могу представить вас в форме. Вы ни для какой армии мира не сможете найти дорогу в Польшу, вы даже собственную военную форму не сможете найти! Зато я всегда могу сказать, где находится моя форма. – С этими словами я сунул руку в нагрудный карман и громко припечатал к столу ладонью квитанцию: – В химчистке!

В этот момент старший, Зензенбринк, издал странный звук, а из его ноздрей хлынули две крепкие кофейные струи на мою одолженную рубашку, на рубашку торговца и на его собственную. Молодой сидел с ошеломленным видом, старший боролся с кашлем.

– Это, – прохрипел он, задыхаясь под столом, – это нечестно.

Он достал из кармана штанов платок и с трудом прочистил дыхательные пути.

– Я думал, – прокряхтел он, – я думал вначале, это такой военный номер типа инструктора Шмидта[21 - Инструктор Шмидт – комедийный персонаж, амплуа немецкого комика Хольгера Мюллера.]. Но с химчисткой – вы меня убили.

– А я что говорил! – ликовал газетный торговец. – Я говорил вам: он гениален. Гениален!

Я не совсем понимал, как относиться к кофейному фонтану и комментариям. У меня не вызывал симпатии ни один из радиоработников, все это не слишком отличалось от веймарских времен. Пока неизбежно приходилось мириться с этими радиохорьками. В принципе, я до сих пор еще ничего не сказал, по крайней мере, ничего из того, что должен был или собирался сказать. И тем не менее признание было налицо.

– Вы – мастер, – прокашлялся Зензенбринк, – честно. Вначале такой добротный базис, а потом – цак! – и вишенку сверху. Шикарно. И как будто все спонтанно! Но вы же готовили этот номер?

– Какой еще номер?

– Ну с Польшей! Не хотите же вы сказать, что взяли это из воздуха?

Пожалуй, этот Зензенбринк получше разбирался в деле. Конечно, даже блицкриг нельзя взять из воздуха. Может, он даже читал Гудериана.

– Разумеется, нет, – согласился я с ним, – польский номер планировался с июня.

– А еще? – не унимался он, разглядывая свою рубашку одновременно с усмешкой и сожалением. – У вас еще что-то есть?

– Что “еще”?

– Ну какая-то программа или другие тексты?

– Конечно! Я написал две книги!

– Невероятно, – поразился он. – Вы должны были давно уже к нам прийти. Сколько вам лет на самом деле?

– Пятьдесят шесть, – деловито ответил я.

– Да, конечно, – рассмеялся он. – А вы сами гримируетесь? Или у вас кто-то есть?

– Обычно никого, только для киносъемок.

– Только для киносъемок! – опять рассмеялся он. – Очень хорошо. Слушайте, я хочу при случае представить вас кое-кому из компании. Где я могу вас найти?

– Здесь, – твердо ответил я.

Тут газетный торговец перебил меня:

– Я же говорил вам, что его личная ситуация сейчас несколько… запутанна.

– Да-да, – вспомнил Зензенбринк. – Вы как бы без крова над головой?

– Пусть у меня сейчас нет дома, – признал я, – зато родина всегда со мной.

– Понятно. – Он по-будничному обернулся к Завацки. – Это, конечно, не дело. Устройте его куда-нибудь. Человеку нужно подготовиться. Когда он явится перед Беллини, должен быть безупречен, а то она его быстро отошьет, и мы не скоро что-то новое найдем. Вам не обязательно в “Адлон”, правда?

– Мне достаточно скромного приюта, – кивнул я. – Фюрербункер тоже не был Версалем.

– Прекрасно, – подытожил Зензенбринк. – И у вас действительно нет агента?

– Кого?

– Не важно, – махнул рукой он, – этот вопрос тоже выяснили. Мне хотелось бы как можно скорее довести дело до фазы решения, надо бы протащить еще на этой неделе. Скажите, вы же скоро получите свою форму?

– Может, уже сегодня вечером, – успокоил я его. – Я обратился в блицчистку.

От этих слов он зашелся истерическим смехом.

Глава VII

Первое утро в новом пристанище стало одним из самых напряженных в моей жизни, даже учитывая прошлые волнительные происшествия. Большое совещание в кинокомпании задерживалось, что оказалось мне на руку – я был не настолько заносчив, чтобы не видеть, сколь существенный объем знаний предстоит мне еще наверстать. Случай открыл для меня новый источник информации – телевизионный аппарат.

Форма этого прибора так изменилась после первых образцов 1936 года, что я его просто не узнал. Вначале мне пришло в голову, что плоская темная плита в моей комнате является неким странным произведением искусства. Но потом из-за ее плоской формы я решил, что она предназначена для хранения рубашек ночью,

чтоб не мялись, ведь в современном мире многое оказалось весьма непривычным вследствие новых открытий или же склонности к извращенному оформительству. К примеру, считается приличным вместо ванной комнаты встраивать постояльцу прямо в спальню какой-то сложный рукомойник, вдобавок ванна отсутствует, а душ в стеклянной кабине располагается почти что в жилом помещении. На протяжении многих недель я видел в этом признак непритязательности, даже бедности моего жилища, пока не узнал, что в нынешних архитектурных кругах это считается изобретательным и даже прогрессивным решением. Так что потребовалось особое стечение обстоятельств, чтобы привлечь мое внимание к телевизионному аппарату.

Я забыл повесить табличку на дверь комнаты, и потому уборщица вошла ко мне в тот момент, когда я как раз подравнивал около рукомойника усы. Я изумленно обернулся, а она извинилась, добавив, что вернется позже, но на выходе заметила рубашку, висящую поверх аппарата.

– С телевизором что-то не так? – спросила она и, прежде чем я успел ответить, взяла какую-то коробочку и включила аппарат.

На нем сразу возникла картинка, которую она множество раз поменяла, нажимая на кнопки коробочки.

– Все в порядке, – довольно объявила она, – а я уж думала…

И исчезла, разбудив мое любопытство.

Я осторожно снял рубашку с аппарата и потянулся за коробочкой.

Так вот какой он, современный телевизор. Черный, никаких ручек, ни кнопок – ничего. Я взял коробочку и недолго думая нажал на единицу. Аппарат заработал. Результат меня разочаровал.

Я увидел повара, который мелко рубил овощи. Я не мог поверить своим глазам: столь прогрессивная техника была разработана и использована, лишь чтобы показать смехотворного повара? Хорошо, пусть Олимпийские игры проходят не каждый год и не в любое время дня, но должно же где-то в Германии или во всем мире происходить нечто более значительное, чем этот повар! Тут на экране появилась женщина, которая восторженно стала разговаривать с поваром о его

нарезке. У меня рот так и открылся. Провидение дало немецкому народу такую великолепную, грандиозную возможность пропаганды, а ее растрачивают на производство луковых колечек. Я пришел в такую ярость, что был готов тут же выбросить телевизор в окно, но потом заметил, что на коробочке гораздо больше кнопок, чем требуется лишь для включения и выключения. Я нажал на кнопку с номером два, и повар сразу пропал, чтобы уступить место другому повару, который с гордостью объяснял разницу между двумя сортами свеклы. Рядом стояла, поражаясь мудрости этой свекольной головы, такая же чудная ворона, как и у первого. Я раздраженно нажал на тройку. Нет, не так представлял я себе новый, современный мир.

Свекловод пропал, но появилась толстая женщина, которая тоже стояла у плиты. Однако приготовление пищи было делом второстепенным, женщина рассказывала не о том, что у нее сегодня на обед, а о том, что она едва сводит концы с концами. Это неплохая новость для политика, значит, социальный вопрос так и не решен за последние шестьдесят шесть лет. А чего еще ожидать от болтунов-демократов?

Я удивился, что телевидение подробно освещает ее беды – наблюдать за несчастной толстухой все же далеко не так увлекательно, как за бегом на 100 метров. С другой стороны, я был рад, что наконец никто не озабочен процессом приготовления пищи, и меньше всех – сама женщина. Ее волновала молодая особа опустившегося вида, которая появилась сбоку, произнеся что-то вроде “грммшл”. Голос ведущего представил ее как Мэнди. Эта Мэнди приходилась толстухе дочерью и только что потеряла место производственного обучения. Недоумевая, как ей вообще кто-то когда-то дал место, я услышал, как она отказалась от непонятной еды в кастрюле, назвав ее “тошниловом”. И хоть потрепанная девица была зрителю крайне несимпатична, но отсутствие у нее аппетита становилось понятно, стоило лишь взглянуть, сколь равнодушно толстая женщина открывает какую-то коробку и сколь небрежно высыпает содержимое в кастрюлю. Странно, что мать не бросила туда следом и саму коробку. Покачав головой, я переключил дальше, а там третий повар мелко резал мясо, разглагольствуя о том, как именно он держит нож и почему. При нем тоже находилась молодая белокурая телевизионная работница, радостно кивавшая. Измучившись, я выключил аппарат, дав слово никогда больше его не смотреть, но осмелиться на еще одну попытку с радио. Однако, тщательно обыскав комнату, я убедился, что приемника нет.

Раз даже в этом скромном жилище не было радио, а только телевизор, следовал однозначный вывод, что телевидение стало более важным средством массовой информации.

В замешательстве я сел на кровать.

Признаюсь, некогда я гордился тем, что путем долгих самостоятельных штудий научился с молниеносной ясностью разоблачать хитросплетенное еврейское вранье прессы во всех его формах. Но сейчас это мастерство не могло мне помочь. Существовало лишь тарабарское радио и поваренное телевидение. Какую правду здесь можно было скрыть?

Возможна ли лживая свекла?

Коварный лук?

Однако раз это средство массовой информации данной эпохи – в чем не оставалось сомнений, – у меня не было иного выбора. Мне нужно научиться понимать содержание телевизора, надо впитать его в себя, пусть даже оно интеллектуально убогое и отвратительное, как еда из толстухиной коробки. Я решительно встал, набрал в рукомойнике кувшин воды, взял стакан, отпил глоток и, вооружившись таким образом, сел перед прибором.

Снова включил его.

С первого канала тем временем пропал луковый повар, зато теперь какой-то садовник рассказывал восторженно кивавшему сотруднику телевидения про улиток и способы борьбы с ними. Это, безусловно, немаловажная тема, имеющая отношение к вопросу питания населения, но как содержание телевизионной передачи… Хотя, возможно, данные сведения мне показались избыточными еще и потому, что через несколько секунд другой садовник повторил слово в слово почти то же самое, но по другому каналу, вытеснив оттуда свекольную голову. Я ощутил некоторое любопытство: а не переместилась ли толстая женщина тоже в сад, чтобы сражаться теперь не с дочкой, а с улитками? Но нет.

Очевидно, телеаппарат понял, что я переключался на другие каналы, поэтому закадровый голос пересказал мне все, случившееся ранее. Он подытожил, что, мол, Мэнди потеряла место производственного обучения и отказывается есть

материнскую еду. Мать несчастна. Вдобавок показали те же картинки, какие я уже видел четверть часа назад.

– Хорошо, хорошо! – сказал я громко, чтобы телевизор услышал. – Но не надо так подробно, у меня нет склероза.

Я переключил дальше. Появилось что-то новое. Мясной повар пропал, однако садовод не появился, зато показывали приключения адвоката, что-то вроде серии коротких эпизодов.

Адвокат[22 - Инго Ленссен – юрист и телевизионный актер псевдодокументальных сериалов о судебных заседаниях и о работе частных детективов.] носил бородку как у Буффало Билла, а все актеры разговаривали и двигались так, словно эпоха немого кино закончилась только вчера. В общем и целом это была забавная халтура, я не раз громко смеялся, хотя и не совсем понимал почему, вероятно, просто от облегчения, что наконец-таки никто не готовит и не охраняет кочаны салата.

Переключая каналы дальше и уже почти освоившись, я знакомился с дальнейшими игровыми действиями. Они казались несколько староватыми, качество изображения хромало, речь шла о крестьянской жизни, о врачах, об уголовной полиции, но ни в одном из них актеры не дотягивали до причудливого адвоката в стиле Буффало Билла. Цель всего этого состояла в простейшем развлечении среди бела дня. Я удивился. Конечно, я и сам с радостью наблюдал, как в тяжелом 1944 году публику воодушевил и развлек замечательно смешной фильм “Пунш из жженого сахара”[23 - Культовая комедия Die Feuerzangenbowle (1944, в главной роли – Хайнц Рюман), которую в Германии традиционно смотрят под Рождество.], но Хайнца Рюмана все-таки в основном смотрели по вечерам. Сколь тяжким должно быть нынешнее положение, если народ уже с утра облучают телемузой, легкой, как гелий. В недоумении я принялся было исследовать аппарат дальше, как вдруг оторопел.

Передо мной сидел человек и читал текст, в котором, очевидно, содержались новости, но нельзя было этого сказать с полной уверенностью. В то время как он сидел за столом и докладывал сводки, по изображению без конца бежали ленты с текстами и цифрами, словно сообщения чтеца были настолько маловажными, что можно было, слушая их, одновременно читать ленты с подписями, или наоборот. Ясно было одно: если попытаться следить за всем вместе, случится кровоизлияние в мозг. С горящими глазами я переключил дальше и… увидел ту

же картину, но с другим диктором и другого цвета лентами. Мобилизовав все силы, я несколько минут пытался осмыслить происходящее. Все-таки там было нечто важное – нынешняя немецкая канцлерша что-то заявила, или сказала, или решила, но понять речь не представлялось возможным. Я присел на корточки перед аппаратом, тщетно пытаясь закрыть руками непристойно мельтешащий текст и сконцентрироваться на речи, но то и дело в самых неожиданных местах экрана появлялся новый вздор: время, биржевые курсы, цена доллара, температура отдаленных уголков земного шара, – а изо рта диктора невозмутимо лились новости международной жизни. Казалось, будто получаешь информацию из сердца сумасшедшего дома.

И словно мало было этого дурацкого балагана, часто и вне всякой связи встревала реклама, сообщая, в каком магазине продаются самые дешевые туристические поездки, причем этим хвасталось множество магазинов в одинаковой манере. Их названия не мог удержать в голове ни один здоровый человек, но все они принадлежали группе В.В.В. Хотелось бы верить, что за этими буквами скрывается видоизмененное название организации “Сила через радость”[24 - Kraft durch Freude – политическая нацистская организация, созданная Робертом Леем и занимавшаяся вопросами отдыха.]. Хотя невозможно представить, чтобы в светлой голове Лея родилось нечто, звучащее так, словно дрожащий от холода малыш выбирается из бассейна.

Даже не знаю, как в этой ситуации у меня еще остались силы мыслить, однако меня вдруг пронзило озарение: это организованное безумие – на самом деле изысканный пропагандистский трюк. Народ не должен терять присутствия духа даже от самых страшных новостей, и вечно бегущие ленты действуют успокаивающе, как бы говоря: слова диктора, мол, не особенно важны, можно с легкостью переключиться на спортивные сообщения. Я одобрительно кивнул. Таким способом можно было бы кое-что мимоходом рассказать народу. Не обязательно про Сталинград, но, к примеру, про высадку союзнических войск на Сицилии. И наоборот, при успехах вермахта мы бы сразу убрали все ленты и объявили в полной тишине: “Сегодня героические немецкие войска подарили дуче свободу!”

Вот это было бы эффектно!

Решив отдохнуть, я переключился на более спокойные каналы, и из любопытства заглянул к толстой женщине. Может, ей удалось отправить опустившуюся дочь в исправительное заведение? Как, интересно, выглядит ее супруг? Не из тех ли он

бесхребетников, которые прятались в Национал-социалистическом механизированном корпусе?

Программа тут же узнала о моем возвращении и принялась спешно пересказывать для меня события. Знакомый репортерский голос с интонацией крайней важности торопливо сообщил, что 16-летняя Мэнди потеряла место производственного обучения и, вернувшись домой, отказывается от любовно приготовленной материнской еды. А ее мать расстроена и обращается за помощью к соседке.

– Что-то вы недалеко продвинулись, – пожурил я репортера, пообещав заглянуть позже, когда произойдет побольше событий.

По пути обратно к новостям я на минутку заглянул на канал, отдававший дань памяти немому кино и Буффало Биллу. Здешний диктор тоже поприветствовал меня и доложил, чего наворотил мнимый адвокат за прошедшее время. На производственном обучении некой Синди, 16 лет от роду, дошло до морально неприемлемых ситуаций. И теперь под непрестанную болтовню, исполненную самого что ни на есть чудовищного идиотизма, разыскивали злоумышленника, руководителя занятий. Я вновь от души рассмеялся: надо ж такое состряпать! Чтобы сделать этот скетч хоть немного достоверным, им пригодился бы гадкий еврей, но где ж его сегодня взять? По крайней мере, в этом вопросе на Гиммлера можно было положиться.

Я добрался до новостного хаоса и пошел дальше. Здесь показывали господ за бильярдным столом – бильярд ныне считался спортом. Я это понял, заметив название канала, приклеенное в верхнем углу. На следующем канале был тоже спорт, но камера следила за игроками в карты. Если таков современный спорт, то страшно за обороноспособность державы. На короткий момент я задумался: а сумела бы Лени Рифеншталь наколдовать чего-нибудь из нудных событий, разыгрывавшихся на моих глазах? Но решил, что даже у величайших гениев истории мастерство имеет свои пределы.

Впрочем, способ съемки фильмов, возможно, тоже переменился. В моих исследованиях я попадал на каналы, где показывали нечто, отдаленно напомнившее мультфильмы моего времени. Я еще отлично помнил, например, забавные приключения Микки Мауса. Но то, что предлагалось сейчас, могло вызвать только мгновенную слепоту. Сумбурные обрывки разговоров прерывались частыми вставками мощнейших взрывов. Чем дальше, тем

причудливее становились каналы. Были такие, где передавали лишь звуки взрывов, вообще без мультфильмов, и ненадолго я готов быть поверить, что передо мной некое подобие музыки, но потом узнал, что целью представления является продажа совершенно бредового продукта под названием “рингтон”. Зачем нужны эти звуки, я понять никак не мог. Неужели все люди работают бутафорами на звуковых фильмах?

В целом торговля по телевизору оказалась вполне обычным делом. Два или три канала беспрерывно демонстрировали лоточников, каких видишь на любой ярмарке. В их болтовню с уже знакомой беззаботностью влезали тексты из каждого угла экрана. Продавцы то и дело попирали все правила серьезного выступления, не прилагая и минимальных усилий к тому, чтобы пристойно выглядеть, и даже в пожилом возрасте нацепляли в уши ужасные кольца, как распоследние цыгане. Распределение ролей было построено в отвратительнейших шулерских традициях. Один безбожно врал с три короба, а другой стоял рядом, разинув рот от изумления, и временами выдавал “Да!” и “Нет!” или “Не может быть!”.

Что за гнусный балаган! Так и хотелось вломиться к этому сброду с 88-миллиметровой зенитной пушкой, чтобы у этих архимошенников вся их ложь полезла вон из кишок.

На самом-то деле разозлился я еще и из-за того, что попросту боялся потерять рассудок перед лицом этого вороха безумия. Я обратился в бегство, поспешив обратно к толстой женщине. Но по дороге задержался на том канале, где прежде крючкотвор Буффало Билл обделывал свои грязные делишки. Теперь там передавали судебную драму, главную героиню которой я вначале принял за канцлершу из новостей, но вскоре понял, что судейская матрона лишь похожа на нее. Разбиралось дело некой Сэнди, которой вменялись в вину различные незаконные действия на месте ее производственного обучения. Но ее проступки объяснялись симпатией к юноше по имени Энди, а тот одновременно поддерживал отношения с тремя другими учащимися барышнями, одна из которых то ли была актрисой, то ли хотела ею стать. В силу не совсем понятных обстоятельств она оставила этот карьерный путь ради побочной работы в криминальных кругах и была теперь совладелицей букмекерской конторы. Далее рассказывали столь же вопиющую бессмыслицу, а судейская матрона усердно кивала с серьезным видом, словно подобные абсурдные происшествия были самым нормальным делом на свете и случались каждый день. Я не мог в это поверить. Кто станет смотреть такое по доброй воле? Хорошо, возможно,

недочеловеки, едва умеющие читать и писать, но кто еще? В каком-то уже отупении я снова переключил к толстой женщине. С моего последнего посещения ее насыщенную жизнь прервала рекламная передача, конец которой я еще застал. Диктор не преминул вновь объяснить мне, что жалкая баба полностью утратила контроль над своим паршивым слабоумным внебрачным отродьем и за последние полчаса успела лишь обмусолить увольнение юной идиотки со своей непрерывно курящей соседкой. Всех этих убогих следует скопом засунуть в трудовой лагерь, громко объявил я аппарату, а их квартиры отремонтировать, или даже лучше стереть весь дом с лица земли и устроить на его месте плацдарм, чтобы навсегда уничтожить память об их унылом копошении из здорового народного сознания. Я разгневанно выбросил коробочку управления в корзину для бумаг.

Какую же сверхчеловеческую работу я взвалил на себя!

Чтобы хоть как-то обуздать гнев, я решил выйти на воздух. Разумеется, ненадолго, потому что не хотел удаляться от телефонного аппарата, но нужно было сбегать за формой. Я со вздохом ступил на порог блиц-чистки, выслушал обращение “господин Штромберг”, забрал мундир, оказавшийся на удивление безупречно чистым, и быстро направился обратно. Я с нетерпением ждал момента, когда смогу вновь предстать миру в привычном одеянии. Но по возвращении я конечно же первым делом услышал от девицы за стойкой, что меня спрашивали по телефону.

– Ага, – сказал я, – разумеется. Именно сейчас. Кто же?

– Не знаю, – ответила та, рассеянно уставившись в телевизионный аппарат.

– Неужели вы не записали?! – нетерпеливо прикрикнул я.

– Они сказали, что перезвонят, – попыталась она оправдаться. – Это было так важно?

– Это касается Германии! – с негодованием отрезал я.

– Блин, – пробормотала она, вновь уткнувшись в телеэкран. – А может, эсэмэска приходила?

– Я! С ней! Не! Знаком! – яростно рявкнул я и раздраженно зашагал в комнату, чтобы продолжить мои телеисследования. – Эту особу, наверное, уже судят за то, что она потеряла место производственного обучения!

Глава VIII

Невероятно, насколько легче люди узнавали меня в моей привычной форме. Едва я сел в таксомотор, как шофер поприветствовал меня радушно, хотя и чересчур весело:

– Здрасьте, уважаемый! Опять к нам пожаловали?

– Именно так, – ответил я и назвал ему адрес.

– Ясненько!

Я откинулся назад. Я не заказывал какой-то особенный автомобиль, но если это была типовая модель, сидеть в нынешних машинах оказалось весьма приятно.

– Что за машина? – мимоходом поинтересовался я.

– “Мерс”!

Меня внезапно окутала волна ностальгии, блаженное чувство защищенности. Я вспомнил Нюрнберг, блистательные съезды НСДАП, поездки по чудесному старому городу, ветер позднего лета или ранней осени, который словно волк терся о козырек моей фуражки.

– У меня тоже был такой, – задумчиво произнес я. – Кабриолет.

– И как? – спросил шофер. – Хорошо катается?

– Да у меня прав нет, – машинально ответил я, – но Кемпка[25 - Эрих Кемпка (1910–1975) – личный шофер Гитлера, автор мемуаров “Я сжег Адольфа Гитлера”

(1950).] не жаловался.

– Вождь, а не водит! – расхохотался шофер. – Неплохая шутка!

– Но старая.

Наступила короткая пауза. Потом шофер опять завел разговор:

– И как тачка? Еще бегает? Или продали?

– Честно признаться, я и не знаю, что с ней стало, – ответил я.

– Жаль. Ну а какие планы в Берлине? Винтергартен?

Вюльмойзе?[26 - Der Wintergarten, die W?hlm?use – берлинские сатирические театры.]

– Простите?

– Ну где выступаете?

– Предполагаю выступить на телевидении.

– Ясное дело, – сказал шофер, с довольным, как мне показалось, смешком. – Опять большие планы?

– Планы кует судьба, – твердо ответил я. – Я делаю лишь то, что следует делать сейчас и впредь ради сохранения нации.

– Вы – что надо!

– Я знаю.

– Может, прокатимся по местам былой славы?

– Возможно, в другой раз. Я не хотел бы опаздывать.

Это, кстати, и было причиной вызова таксомотора. Ввиду моих ограниченных финансовых средств я предполагал добраться до здания фирмы пешком или на трамвае, но Зензенбринк, сославшись на непредсказуемость транспорта и возможные заторы, настоял на таксомоторе.

Я смотрел в окно, надеясь увидеть хоть какие-то узнаваемые остатки столицы рейха. Это было непросто, вдобавок шофер срезал путь, объезжая большие улицы. Старых зданий почти не наблюдалось, чему я многократно и довольно кивал. Действительно, врагу почти ничего не досталось. Надо бы навести справки, как это вообще возможно, что на том же самом месте почти семьдесят лет спустя вновь так много городской застройки. Разве Рим, захватив и разрушив Карфаген, не посыпал солью ту землю, на которой стоял ненавистный город? По крайней мере, если б я вошел в Москву, то высыпал бы там товарный поезд соли. Или в Сталинграде! С другой стороны, Берлин – это ж не огород. Человек творческий может воздвигнуть Колизей на просоленной почве, да и с точки зрения строительных технологий и статики сооружений объемы соли в земле не имеют ни малейшего значения. Вполне можно представить себе, как враг стоял перед руинами Берлина в восхищении, словно авары перед развалинами Афин. И затем, отчаянно стараясь сохранить культуру, враги восстановили город, насколько это было по силам расам второго и третьего сорта. Ведь опытный глаз с первого взгляда видел, что постройки здесь в большинстве своем низкопробные. Чудовищная однотипная серость, усугублявшаяся тем, что повсюду встречались одинаковые магазины. Я думал было, что мы ездим кругами, пока не заметил, что господину Штарбуку принадлежит в этом городе дюжина кофейных заведений. Разнообразие булочных осталось в прошлом, мясные лавки были на одно лицо, и я заметил даже несколько блицпрачечных “Йилмаз”. Печать такой же незамысловатой посредственности лежала и на домах.

Здание кинокомпании исключения не составляло. Трудно поверить, что через пятьсот или через тысячу лет люди будут любоваться этим примитивным обрубком. Я был серьезно разочарован. Раз это старый типовой проект, следовательно, дела кинокомпании, которая якобы имеет повсюду связи, на самом деле не ахти.

Молодая белокурая и чересчур накрашенная дама встретила меня у входа, чтобы провести в зал совещаний. Я не хотел даже думать о том, как он будет

выглядеть. Повсюду были простые бетонные стены, совершенно голые, временами с остатками грубой кирпичной кладки. Двери практически везде отсутствовали, взгляд то и дело попадал в большие помещения, где множество людей работали с телевизионными экранами под люминесцентными трубками. Казалось, лишь пять минут тому назад из помещения ушли последние работницы цеха комплектации боеприпасов. Телефоны звонили не переставая, и тут мне стало ясно, почему народ вынужден платить баснословные суммы за мелодии для звонков. Чтобы понимать, когда в этом рабочем лагере звонит именно твой телефон.

– Полагаю, виной всему этому русские? – спросил я.

– Можно и так сказать, – рассмеялась юная дама. – Вы же наверняка читали, что в конце концов они, увы, отказались от участия. Теперь у нас американо-иранская саранча.

Я вздохнул. Подобного я всегда и боялся. Нет ни жизненного пространства, ни земли, что кормит народ хлебом, да еще и саранча, которая жрет, как последний негр. Я расстроганно взглянул на молодую особу, шагающую рядом с несгибаемой осанкой. Я откашлялся, но, боюсь, голос все равно несколько выдал мое волнение:

– Вы очень отважны, – сказал я.

– Конечно, – просияла она, – я же не хочу оставаться ассистенткой вечно.

Конечно. “Ассистентка”. Вынуждена обслуживать русских. Я не мог с ходу объяснить, как именно все устроено в новом мире, но от этого паразита человечества ожидать можно чего угодно. Не хотелось даже представлять себе, в чем заключалась ее “деятельность” под большевистским игом. Я резко остановился и схватил ее за руку.

– Посмотрите на меня! – сказал я и, когда она несколько удивленно повернулась ко мне, твердо посмотрел ей в глаза и торжественно признес: – Обещаю: в будущем вы получите работу, достойную вашего происхождения! Я лично брошу все силы на то, чтобы ни вы и ни одна другая немецкая женщина не прислуживали больше недочеловекам! Даю вам слово, уважаемая фройляйн…

– Озлем, – подсказала она.

До сих пор мне довольно неприятно вспоминать об этом моменте. В первый миг мой мозг пытался найти объяснение, как честная немецкая девушка могла получить фамилию Озлем, но, конечно, не нашел. Я отпустил ее руку и круто повернулся, чтобы уйти. Охотнее всего я бросил бы лживую особу прямо там, ибо чувствовал себя преданным и обманутым. Но, к сожалению, сам я не знал дороги. Поэтому молча последовал за ней, решив впредь быть осмотрительнее в этом новом времени. Турки присутствовали не только в чистящей отрасли, но удивительным образом вообще повсюду.

Когда мы появились в зале совещаний, ко мне подошел вскочивший со своего места Зензенбринк и провел меня в помещение (если можно это так назвать), где несколько человек сидели за довольно длинным столом, составленным из частей. Я узнал бронировщика отелей Завацки, помимо него там находилось полдюжины молодых людей в костюмах и женщина, очевидно та самая Беллини. Около сорока, темноволосая, возможно, родом из Южного Тироля. Едва войдя, я почувствовал, что мужественности этой женщине не занимать и она держит в кулаке всех присутствующих дурачков. Дотронувшись до моей руки, Зензенбринк попытался направить меня к другому концу стола, где, как я заметил краем глаза, располагалась импровизированная сцена. Я увернулся, так что его рука повисла в пустоте, твердым шагом подошел к даме, снял фуражку и зажал ее под мышкой.

– Это… госпожа Беллини, – слова Зензенбринка были совершенно излишни, – исполнительный вице-президент компании “Флешлайт”. Госпожа Беллини, наш новый многообещающий талант, господин… э-э…

– Гитлер, – оборвал я его недостойное блеяние, – Адольф Гитлер, рейхсканцлер великогерманского рейха в отставке.

Она протянула руку, и я наклонился к ней, обозначая поцелуй, но не слишком низко. Выпрямившись, я произнес:

– Уважаемая госпожа, очень рад нашему знакомству. Давайте вместе изменим Германию!

Она улыбнулась с некоторой, как мне показалось, неуверенностью, но я еще с прежних времен помнил, какое впечатление обычно произвожу на женщин. Практически невозможно, чтобы дама ничего не почувствовала, когда рядом с ней находится главнокомандующий самой могущественной армии на свете. Дабы не смущать ее, я повернулся к прочим собравшимся, поприветствовав их: “Господа!” – и обратился к Зензенбрику:

– Ну, любезный Зензенбринк, какое место вы мне определили?

Тот указал на стул в другом конце стола. Я и рассчитывал на что-то подобное. Не первый раз господа из так называемой индустрии решались поставить под сомнение весомость будущего фюрера Германии. Так я им покажу, какой вес я могу взять, и большой вопрос, потянут ли они.

На столе стояли кофе, чашки, маленькие бутылки с соком и водой, а также графин с чистой водой, к которому я и потянулся. Прошла минута.

– Кхм, – подал голос Зензенбринк. – Что вы нам сегодня принесли?

– Себя, – ответил я.

– Нет, я имею в виду, что вы сегодня хотите нам прочесть?

– Про Польшу я молчу! – хихикнул Завацки.

– Прекрасно, что мы двигаемся дальше, – сказал я. – По-моему, вопрос ясен: как вы можете помочь мне помочь Германии?

– И как же вы хотите помочь Германии? – спросила дама Беллини, как-то странно подмигнув мне и прочим присутствующим.

– Полагаю, что где-то в глубине ваших сердец все вы знаете, в чем нуждается эта страна. По пути сюда я видел, где вы принуждены работать. Эти складские помещения, в которых вы с вашими товарищами отбываете свою барщину. Шпеер тоже не щепетильничал, когда речь шла об эффективном применении иностранной рабсилы, но эта теснота…

– Такие большие офисные помещения есть везде, – заметил один из мужчин.

– Хотите сказать, это была ваша идея? – решил допытаться я.

– Что значит “моя идея”? – он с улыбкой оглядел сидящих. – Ну то есть мы все здесь так решили.

– Вот видите, – я встал и обратился прямо к даме Беллини, – это и есть моя тема. Я говорю об ответственности. Я говорю о решениях. Кто установил эти массовые клетки? Может, он? – Я указал на господина, отказавшегося от авторства идеи. – Или он? – Я перевел цепкий взгляд на соседа Зензенбринка. – Или господин Завацки, хотя в этом я серьезно сомневаюсь. Я не знаю кто. А еще лучше – эти господа и сами не знают. И что делать вашим подчиненным, когда они сами себя не слышат на рабочем месте? Когда им приходится платить баснословные суммы за мелодии для звонков, чтобы они могли отличить свой телефон от соседского? Кто за это в ответе? Кто придет на помощь немецкому рабочему в нужде? К кому он может пойти? Поможет ли начальник? Нет, ведь он пошлет человека к тому, тот – к этому, а этот – еще к кому-то! И это единичный случай? Нет, не единичный случай, а болезнь, расползающаяся по всей Германии! Когда вы сегодня покупаете чашку кофе, вы хоть знаете, кто за нее в ответе? Этот господин, – я опять указал на неавтора идеи, – он, конечно, считает, что в ответе господин Штарбук. Но вы, госпожа Беллини, и я – мы оба знаем, что этот Штарбук не может варить кофе одновременно везде. Никто не знает, кто делает этот кофе, одно ясно наверняка: это не Штарбук. А когда вы идете в химчистку, то знаете ли, кто почистил ваш мундир? Кто этот так называемый Йилмаз? Вот видите, потому нам в Германии нужны перемены. Революция. Нам нужна ответственность и сила. Нам нужно руководство страны, которое принимает решения и несет за них ответ, душой и телом – всем. Если вы хотите напасть на Россию, то не можете говорить: ах, мы тут как бы вместе это решили, как себе это представляет наш господин коллега. Мы собрались вместе и проголосовали: надо ли окружать Москву. Исключительно удобно, ведь в случае провала это были мы все вместе, или еще лучше – это был сам народ, потому что он нас избрал. Нет, Германия должна снова знать: Россия – это был не Браухич, не Гудериан, не Геринг, это был я. Автобаны – это был не шут гороховый, это был фюрер! И так должно стать по всей стране! Когда человек ест утреннюю булку, то будет знать – это был пекарь. Когда вы завтра вторгнетесь в развалины Чехии, то будете знать – это был фюрер.

Я сел.

Тишина.

– Это… не смешно, – сказал наконец сосед Зензенбринка.

– Пугающе, – сказал господин неавтор идеи.

– Я говорил вам, что он хорош, – гордо сказал Зензенбрик.

– С ума сойти, – сказал бронировщик отелей Завацки, хотя было не совсем понятно, что он имеет в виду.

– Невозможно, – решительно сказал сосед Зензенбринка.

Дама Беллини встала. Все головы сразу повернулись к ней.

– Проблема здесь, – сказала она, – в вашей общей зашоренности.

Приговор прозвучал очень веско. Она замолчала, но никто не посмел вставить слова, и она продолжила:

– Вы замечаете хорошее содержание, лишь когда тип на сцене ухмыляется чаще, чем зрители. Взгляните на наш комедийный ландшафт: никто не смеет пошутить без того, чтобы не зайтись хохотом, иначе никто не поймет, что это была шутка. А если кто-то сохраняет серьезную мину, мы накладываем хохот фоном.

– Пока это себя оправдывало, – заметил господин, до сих пор ни разу рта не открывавший.

– Возможно, – ответила дама, которая импонировала мне все больше. – А что потом? Мне кажется, мы дошли до точки, когда публика воспринимает это как данность. И первый, кто скажет решающее новое слово, надолго отшвырнет назад конкуренцию. Не так ли, господин… Гитлер?

– Решающее дело – это пропаганда, – ответил я. – Ваше послание должно отличаться от обещаний других партий.

– Скажите, – спросила она, – вы же это заранее не готовили, правда?

– Зачем? – удивился я. – Я долго шлифовал гранитный фундамент моего мировоззрения. Потому я в состоянии разобрать любой аспект мировой истории применительно к моим принципам и сделать верные выводы. Или вы думаете, фюреров готовят в ваших университетах?

Она ударила ладонью по столу.

– Он импровизирует, – просияла она, – он выдает это… даже не меняясь в лице! Знаете, что это значит? Это значит, что после двух передач он не будет растерянно хлопать глазами, что бы ему еще такого сказать. И не будет ныть, требуя новых авторов. Или я ошибаюсь, господин Гитлер?

– Терпеть не могу, чтобы так называемые авторы вмешивались в мою работу. Когда я писал “Мою борьбу”, то Штольцинг-Черны не раз…

– Кажется, я начинаю тебя понимать, Кармен, – сказал господин неавтор идеи и улыбнулся.

– И для контраста поставим его там, где он будет эффектнее всего выглядеть, – продолжала дама Беллини, – он будет постоянным гостем у Али Визгюра!

– Вот он спасибо скажет! – вставил Завацки.

– Пусть он посмотрит на свой рейтинг, – отрезала госпожа Беллини, – какой он сейчас и каким был два года назад. И каким он станет скоро.

– ZDF может сушить сухари! – высказался Зензенбрик.

– Так, одну вещь следует понимать четко. – Госпожа Беллини вдруг очень серьезно посмотрела на меня.

– Какую же?

– Мы все понимаем, что евреи – не тема для шуток!

– Вы абсолютно правы, – с облегчением выдохнул я.

Наконец-то передо мной человек, который знает, о чем говорит.

Глава IX

Для молодого движения нет ничего опаснее быстрого успеха. Вот сделаны первые шаги, здесь завоеваны сторонники, там прочитана речь, возможно, произведен уже аншлюс Австрии или Судет – и так легко возомнить, будто ты достиг промежуточного этапа, от которого путь к окончательной победе уже вроде и недалек. И действительно, за короткое время я добился некоторых удивительных вещей, подтвердивших выбор судьбы. Как мне приходилось бороться в 1919 и 1920 годах, как сражаться, какой шторм бил мне в лицо – газетчики, плевки буржуазных партий, – как я с трудом, слой за слоем, раздирал покровы еврейской лжи, лишь чтобы вновь увязать в липких выделениях из желез этого паразита, поскольку враг, превосходя меня по силе в сотни, в тысячи раз, исторгал из себя все новый и новый омерзительный яд. Но здесь, в этом новом времени я уже через несколько дней получил доступ к эфиру, которым вдобавок совершенно не интересовались политические противники. Это казалось слишком прекрасным, чтобы быть правдой, однако за последние шестьдесят лет противник ровным счетом ничему не научился в деле общения с населением.

Какие бы фильмы я снимал на их месте! Романтика в далеких странах, на борту огромных пароходов компании “Сила через радость”, которые бороздят моря Южного полушария или проплывают мимо могучих норвежских фьордов, повесть о юных солдатах вермахта, штурмующих могучие скальные массивы и гибнущих у подножия на руках своей великой любви, вожатой отряда из Союза немецких девушек, которая потом, глубоко потрясенная, но с закаленным духом, решает посвятить себя женской политике национал-социализма. В чреве своем она носит отважного отпрыска павшего возлюбленного, тут вполне допустим внебрачный мотив, ибо когда поднимает голос чистая кровь, Гиммлер может заткнуться. Итак, в ее душе звучат его последние слова, когда она в сумерках спускается в долину, молочные коровы с выражением смотрят ей вслед, а в небе – медленный наплыв знамени со свастикой. Вот это были бы фильмы, и я клянусь, на следующий же день разберут все формуляры на вступление в

женские союзы.

Пусть бы ее звали Гедда.

Сейчас же кино находилось с политической точки зрения в полном упадке. Судя по содержанию телевизионного аппарата, единственное, что правительство сделало для народа, – это программа под названием “Харцфир”[27 - Hartz IV – разговорное название долговременного пособия по безработице.], которую все терпеть не могли. Ее название произносилось всегда подчеркнуто пренебрежительным тоном, и я мог лишь надеяться, что люди, на которых она распространяется, не составляют слишком большой части общества, поскольку, даже призвав на помощь неисчерпаемые резервы своей фантазии, затруднялся представить себе, как сотни тысяч этих жалких созданий будут выстраиваться для парадного поднятия флага на нюрнбергском Поле Цеппелина[28 - Часть территории, на которой проводились торжественные съезды НСДАП в Нюрнберге. Название связано с тем, что на поле приземлился на своем дирижабле граф фон Цеппелин.].

Переговоры с дамой Беллини тоже можно было назвать успешными. Я изначально не сомневался, что наряду с деньгами мне потребуются партаппарат, партийное бюро. Госпожа Беллини несколько удивилась в первый момент, но безоговорочно поддержала меня, пообещав предоставить бюро с машинисткой. Мне назначили солидную сумму для расходов на одежду, пропагандистские поездки и исследовательские материалы, которые должны были привести меня на современный уровень знаний, и на прочее. Основную проблему явно составляли не финансы, а их взгляды на репрезентативные нужды вождя партии. К примеру, мне пообещали заказать у первоклассного портного много “исторически достоверных” костюмов, а также мою любимую шляпу, которую я с удовольствием носил в Оберзальцберге[29 - Оберзальцберг – деревня в Баварских Альпах, где была построена резиденция фюрера Бергхоф, место многих важных политических встреч.] и в горах. Зато отказали в открытом “мерседесе” с шофером, объяснив, что это выглядит совершенно несерьезно. Я нехотя уступил, правда, лишь для виду, ибо на самом-то деле достиг гораздо большего, чем надеялся. Таким образом, особенно в ретроспективе, то был самый опасный момент моей новой карьеры, и кто-нибудь другой, наверное, откинулся бы на спинку стула и, следовательно, потерпел бы поражение по всем фронтам, но я, хвала моим зрелым годам, непрестанно подвергал развитие событий бесстрастному ледяному анализу.

Число моих сторонников было мало как никогда. В прошлом, видит бог, мне уже случалось опираться на мизерное количество соратников: например, прекрасно помню, как в 1919 году, впервые посетив тогда еще Немецкую рабочую партию, нашел лишь семерых. Сегодня же приходилось рассчитывать только на себя самого, ну и, может, еще до некоторой степени на даму Беллини и на киоскера. Но я сильно сомневался, что они созрели для вручения партбилета, не говоря уж о готовности платить членские взносы или взять на себя обязанность охранять зал, сжимая в руке ножку стула. Особенно хозяин киоска казался мне в глубине души либерально, даже лево ориентированным, хотя и обладал честным немецким сердцем. Так что пока я по-прежнему дисциплинированно следовал железному распорядку дня. Вставал около 11 утра, заказывал у персонала гостиницы один или два куска пирога и работал без устали до глубокой ночи.

Точнее сказать, я встал бы в 11 утра, если бы в темные часы рассвета, примерно около 9, не зазвонил телефон и на проводе не оказалась бы дама с невыговариваемой фамилией славянского происхождения. Йодль никогда не соединил бы, позвони мне кто-нибудь с такой фамилией, но, к сожалению, Йодль был уже частью немецкой истории. В сонном тумане я нащупал трубку аппарата.

– Хррм?

– Добрый день, с вами говорит Крвчк, – безжалостно ликовал голос в трубке, – из “Флешлайт”.

Чего я больше всего не терплю в этих ранних жаворонках, так это их чудовищно хорошее настроение, словно бы они уже три часа как проснулись и смяли Францию. А ведь, невзирая на омерзительную привычку вставать спозаранку, подавляющее большинство их может похвастаться чем угодно, кроме великих деяний. Притом именно в Берлине мне то и дело встречались люди, вскакивающие ни свет ни заря лишь ради того, чтобы пораньше уйти из конторы. Я не раз советовал этим восьмичасовым умникам начинать работу в десять вечера, чтобы вернуться домой в шесть утра, еще до подъема. Многие считали, что я говорю серьезно. Мое мнение – рано утром должны работать только пекари.

И еще, конечно, гестапо, это само собой разумеется. Чтобы сцапать большевистскую заразу из-под одеяла. Если только на повестке дня у них не большевики-пекари. Те-то уже проснулись, поэтому гестапо придется вставать еще раньше, и так далее.

– Чем обязан? – спросил я.

– Я из отдела договоров, – радовался голос. – Я подготовила бумаги, и есть еще пара вопросов. Даже не знаю, мы по телефону?.. Или вы лучше зайдете?

– Какие вопросы?

– Разные общие вопросы. Номер социального страхования, банковский счет и прочее. Ну самое первое – на какое имя составлять контакт.

– Как на какое имя?

– Дело в том, что я не знаю, как вас зовут.

– Гитлер, – вздохнул я. – Адольф.

– Да, – опять рассыпалась она своим жутким утренним восторгом, – нет, я имею в виду ваше настоящее имя!

– Гитлер! Адольф! – повторил я уже в некотором раздражении.

Ненадолго воцарилась тишина.

– Правда, что ли?

– Да, конечно!

– Ну и ну, так это… такое совпадение…

– Почему совпадение?

– Потому что вас так зовут…

– Черт побери, вас же тоже как-то зовут! И я здесь не закатываю глаза: “Ах, такое совпадение!”

– Понятно, но вы-то как раз так и выглядите…. Так же, как вас зовут…

– Ну и что? А вы выглядите совсем не так, как вас зовут?

– Нет, но…

– Так вот! Бога ради, приготовьте эти проклятые бумажки.

Я бросил трубку на аппарат.

Прошло семь минут, и телефон опять зазвонил.

– Что еще?

– Да, это опять звонит… – вновь раздалось это странное восточноевропейское имя, звучавшее, словно кто-то комкает донесение вермахта. – Боюсь… что это не получится.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Столица Мира Германия (Welthauptstadt Germania) – новое название Берлина согласно градостроительным планам Гитлера и Альберта Шпеера. (Здесь и далее – прим. перев.)

2

Карл Дёниц – согласно завещанию Гитлера его преемник, последний рейхспрезидент Германии.

3

Пимпфы – члены юнгфолька, младшей возрастной ступени гитлерюгенда, мальчики от 10 до 14 лет.

4

Фольксштурм – народное ополчение Третьего рейха в последние месяцы войны.

5

Deutscher Gru? – нацистское приветствие, поднятая вверх правая рука с вытянутой ладонью. В современной Германии запрещено законом и наказуемо.

6

Бернхард Руст – министр образования и воспитания в Третьем рейхе.

7

Штефан Рааб, Хапе Керкелинг, Харальд Шмидт – популярные немецкие комики и телеведущие.

8

Volksgenosse, букв. “народный товарищ”, соотечественник (нем.) – в Третьем рейхе это слово обозначало принадлежность к общности людей арийской крови (как “партайгеноссе” – принадлежность к НСДАП), в противовес обращению “геноссе”, товарищ, принятому в социалистических организациях. Слово однозначно связано с национал-социализмом и потому не употребляется в современном немецком языке.

9

Вальтер Функ – министр экономики в Третьем рейхе.

10

V?lkischer Beobachter, “Народный обозреватель” – ежедневная официальная газета НСДАП; Der St?rmer, “Штурмовик” – бульварная антисемитская газета; Der Panzerb?r, “Бронированный медведь” – газета, издававшаяся в Берлине в последние дни войны (медведь – гербовое животное Берлина).

11

Frankfurter Allgemeine Zeitung – одна из крупнейших немецких газет, ее название и заголовки статей на титульной странице печатаются фрактурой, которая поначалу была “идеологическим” шрифтом в нацистской Германии.

12

Der Spiegel, “Зеркало” (нем.) – один из самых известных журналов в Германии. На его обложке обычно публикуется крупная полосная иллюстрация к заглавной теме номера, по периметру обложки – оранжевая рамка, а сверху – название журнала.

13

Феликс Штайнер – генерал войск СС, в самом конце войны по приказу Гитлера должен был провести контрнаступление на советские войска и пробиться к Берлину. Потерпев неудачу, потому что войска под его началом были в плохом состоянии, он вопреки приказу стал отводить свою армейскую группу на запад, где сдался американцам.

14

Герхард фон Шарнхорст (1755–1813) – реформатор прусской армии. Под “молодым министром” подразумевается Карл-Теодор цу Гуттенберг, бывший министр обороны Германии и очень перспективный консервативный политик (ему пророчили даже пост канцлера ФРГ), чья карьера оборвалась после того, как его докторская диссертация оказалась плагиатом, но он отказывался в этом признаваться.

15

Wild und Hund – старейший немецкий журнал об охоте, издается с 1894 года.

16

Das Bild – крупнейшая немецкая газета-таблоид, которая часто подвергается критике. Одно время была ежедневной газетой с самым высоким тиражом во всей Европе.

17

Цитата из пьесы Ф. Шиллера “Вильгельм Телль”. Перевод Н. Славятинского.

18

Stromberg, Switch – пародийные телесериалы.

19

Немецкие коммерческие телеканалы.

20

Фраза из радиообращения Гитлера после нападения на Польшу.

21

Инструктор Шмидт – комедийный персонаж, амплуа немецкого комика Хольгера Мюллера.

22

Инго Ленссен – юрист и телевизионный актер псевдодокументальных сериалов о судебных заседаниях и о работе частных детективов.

23

Культовая комедия Die Feuerzangenbowle (1944, в главной роли – Хайнц Рюман), которую в Германии традиционно смотрят под Рождество.

24

Kraft durch Freude – политическая нацистская организация, созданная Робертом Леем и занимавшаяся вопросами отдыха.

25

Эрих Кемпка (1910–1975) – личный шофер Гитлера, автор мемуаров “Я сжег Адольфа Гитлера” (1950).

26

Der Wintergarten, die W?hlm?use – берлинские сатирические театры.

27

Hartz IV – разговорное название долговременного пособия по безработице.

28

Часть территории, на которой проводились торжественные съезды НСДАП в Нюрнберге. Название связано с тем, что на поле приземлился на своем дирижабле граф фон Цеппелин.

29

Оберзальцберг – деревня в Баварских Альпах, где была построена резиденция фюрера Бергхоф, место многих важных политических встреч.

Купить: https://tellnovel.com/ru/timur-vermesh/on-snova-zdes-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить